

Летний домик с бассейном

Автор:

Герман Кох

Летний домик с бассейном

Герман Кох

«Летний домик с бассейном» – роман голландца Германа Коха, вошедшего в десятку самых читаемых писателей Европы, – в 2011 году был номинирован на «Читательскую премию» в Нидерландах. Сегодня он уже переведен на десяток языков и не уступает в популярности роману «Ужин», принесшему автору мировую известность.

Марк Шлоссер – опытный семейный врач, его клиенты – сплошь знаменитости. Однажды к нему на прием приходит популярный и обаятельный актер Ралф Мейер, и вскоре Марк вместе с красавицей женой и двумя дочерьми-подростками получают приглашение провести отпуск в гостях у Мейеров, в летнем домике во Франции. Взаимоотношения двух семей, поначалу безоблачные, исподволь прорастают темными страстями, и беззаботный отпуск заканчивается драмой. Теперь доктору Шлоссеру предстоит жестокий выбор между долгом врача и долгом перед собственной семьей.

Интервью с Германом Кохом (<http://www.litres.ru/intervju/german-koh/?lfrom=201227127>).

Герман Кох

Летний домик с бассейном

Herman Koch

Издательская Группа «Азбука-Аттикус» выражает благодарность Нидерландскому литературному фонду (Nederlands letterenfonds – www.letterfonds.nl (<http://www.letterfonds.nl/>)) за помощь в издании этой книги.

© Herman Koch, 2011

© Н. Федорова, перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2013

Издательство АЗБУКА

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru (<http://www.litres.ru/>))

Я – домашний, или семейный, врач. С половины девятого утра до часу дня принимаю пациентов. Без спешки. На каждого отвожу двадцать минут. Эти

двадцать минут – моя визитная карточка. Где еще домашний врач станет нынче тратить на тебя двадцать минут? – говорят люди и рассказывают друг другу обо мне. Он принимает не слишком много пациентов, говорят они. Хочет каждому особо уделить время. У меня есть лист ожидания. Если кто-нибудь из пациентов умирает или переезжает, всегда можно позвонить по телефону, и на его место тотчас явятся пять новых.

Пациенты путают время и внимание. Думают, я уделяю им больше внимания, чем другие домашние врачи. А я просто-напросто даю им больше времени. Все, что мне нужно узнать, я вижу уже через минуту. Оставшиеся девятнадцать минут заполняю вниманием. Вернее, иллюзией внимания. Задаю обычные вопросы. Как ваш сын/дочь? Наладился ли сон? Не слишком ли много/мало вы едите? Приставляю фонендоскоп им к груди, потом к спине. Говорю: вдохните поглубже. Спокойно выдохните. Но по-настоящему не слушаю. По крайней мере, стараюсь не слушать по-настоящему. Внутри все человеческие тела звучат одинаково. В первую очередь, конечно, сердцебиение. Сердце знать ни о чем не знает. Сердце качает кровь. Сердце – машинное отделение. Машинное отделение только обеспечивает кораблю движение, но не задает курс. Далее: звуки внутренностей. Внутренних органов. Перегруженная печень звучит не так, как здоровая. Перегруженная печень стонет. Стонет и умоляет. Просит дать ей денек отдохнуть. Денек, чтобы вывести самые скверные шлаки. Сейчас-то она постоянно не успевает. Перегруженная печень похожа на кухню круглосуточного ресторана. Везде громоздится грязная посуда. Посудомоечные машины работают вовсю. Но горы перепачканных тарелок и грязных сковородок знай себе растут. Перегруженная печень уповает на передышку, однако ее чаяния никогда не сбываются. Каждый день в половине пятого, в пять (а то и раньше) надежда на отдых идет прахом. Если повезет, то сперва печень имеет дело только с пивом. В этом случае можно большую часть работы свалить на почки. Но всегда найдутся такие, кому пива недостаточно. Им подавай продолжение: джин, водку, виски. Чтобы тяпнуть залпом сразу после пива. Перегруженная печень сопротивляется до последнего и в конце концов не выдерживает. Сперва становится жесткой, как слишком накачанная шина. А тогда достаточно небольшой неровности дорожного покрытия – и шина лопнет.

Я прослушиваю фонендоскопом. Надавливаю пальцем на затвердение прямо под кожей. Здесь не больно? Если я надавлю посильнее, печень разорвется прямо тут, у меня в кабинете. А мне это ни к чему. Жуткое дело. Кровь фонтаном. Ни один домашний врач не желает, чтобы пациент умер у него в кабинете. Дома – пожалуйста. У себя дома, посреди ночи, в своей постели. При разрыве печени

они, как правило, даже до телефона добраться не успевают. «Скорая» в любом случае опоздает.

Пациенты записаны ко мне на прием с двадцатиминутным интервалом. Моя практика расположена в нижнем этаже. Они приходят с тростями, приезжают в инвалидных креслах. Некоторые страдают избыточным весом, некоторые – одышкой. Во всяком случае, по лестницам ходить уже не могут. Лестница для них – верная смерть. Кое-кто, конечно, попросту воображает, будто, стоит ему подняться на первую ступеньку, пробьет его последний час. И таких пациентов преобладающее большинство. Большинство людей ничем не страдает. Они охают и стонут, словно каждую минуту дня и ночи смотрят в глаза смерти, с тяжелым вздохом плюхаются в кресло напротив моего стола, – но у них ничего не болит. Я выслушиваю их жалобы. Вот здесь больно, и здесь, а иной раз боль отдает вот сюда, вниз... Я делаю заинтересованное лицо. А заодно что-нибудь корябаю на бумажке. Прошу их встать, пройти со мной в процедурную. Иногда прошу раздеться за ширмой, но редко. Человеческие тела и в одежде, на мой взгляд, зрелище не ахти. Ни к чему мне смотреть на части тела, которые всегда скрыты от солнца. Ни к чему мне кожные складки, где в тепле привольно размножаются бактерии, ни к чему грибок и воспаления между пальцами ног, под ногтями, ни к чему пальцы, что почесывают тут и там, скребут, пока не расцарапают до крови... Вот здесь, доктор, чешется особенно сильно... Нет, не хочу я смотреть. Притворяюсь, что смотрю, но думаю о чем-нибудь другом. Об американских горках в увеселительном парке, о зеленой драконьей голове, украшающей передний вагончик, народ вскидывает руки в воздух и вопит что есть мочи. Краешком глаза я вижу влажные пучки волос на лобке, красные воспаленные проплешины, где волосы никогда больше не вырастут, а думаю о самолете, который взрывается в воздухе, пассажиры, по-прежнему пристегнутые к креслам, начинают многокилометровое падение в бесконечность: холод, воздух разреженный, далеко внизу ждет океан. При мочеиспускании жжет, доктор. Будто вместо мочи иголки... Поезд взрывается у самого вокзала, космический челнок «Колумбия» распадается на миллионы обломков, второй самолет врежется в Южную башню. Вот здесь жжет, доктор. Здесь...

Что ж, одевайтесь, пожалуйста, говорю я. Я видел достаточно. Выпишу вам рецептик. Некоторые пациенты почти не способны скрыть разочарование: рецептик? Секунду-другую стоят в недоумении, со спущенными до колен кальсонами или трусами. Они на все утро отпросились с работы, хотят получить товар за свои деньги, пусть даже эти деньги отстегивает общество здоровых людей. Хотят, чтобы доктор по крайней мере их прощупал, надел резиновые

перчатки и умелыми руками ощупал что-нибудь – какую-нибудь часть тела. Засунул куда-нибудь палец. Они хотят осмотра, им недостаточно многолетнего опыта врача, его наметанного взгляда, который мигом замечает, в чем непорядок. Ведь он видел такое уже сто тысяч раз. Ведь опыт говорит ему, что в сто тысяч первый раз резиновые перчатки надевать совершенно незачем.

Иногда этого не избежать. Иногда без пальпации не обойтись. Большею частью одним или двумя пальцами, изредка всей рукой. Я надеваю резиновые перчатки. Будьте добры, лягте на бок... Для пациента это поворотный пункт. Его наконец-то принимают всерьез, сейчас произведут внутреннюю пальпацию, но мне в лицо он больше не смотрит. Теперь его взгляд прикован к моим рукам. К рукам, натягивающим резиновые перчатки. Он спрашивает себя, как же позволил зайти так далеко. И вправду ли хочет этого. Прежде чем надеть перчатки, я вымыл руки. А поскольку умывальник расположен напротив кушетки, руки я мою, стоя к пациенту спиной. Мою без спешки, предварительно закатав рукава. Я чувствую, взгляд пациента устремлен на меня. Вода из крана течет мне на запястья. Я тщательно мою руки, а затем предплечья, до локтя. Журчанье воды заглушает другие звуки, но я знаю: когда я добираюсь до локтей, дыхание у пациента учащается. Учащается, а не то и вообще замирает на несколько секунд. Сейчас состоится внутренняя пальпация, пусть даже сам пациент настаивал на этой пальпации неосознанно. На сей раз он не пожелал, чтобы от него отделались рецептиком. Однако теперь у него возникают сомнения. Почему доктор моет и дезинфицирует руки до самого локтя? Что-то внутри у пациента сжимается. Как раз когда ему нужно максимально расслабиться. Расслабленность – ключ к мягкому ходу внутренней пальпации.

Между тем я оборачиваюсь, вытираю руки, предплечья, локти. На пациента по-прежнему не смотрю, выдвигаю ящик, достаю пластиковый пакетик с перчатками. Разрезаю его, нажимаю ногой на педаль мусорного ведра, бросаю туда пакетик. И только теперь, натягивая перчатки, наконец смотрю на пациента. Взгляд у него, как бы это выразиться, не такой, как раньше, прежде чем я отвернулся, чтобы вымыть руки. Ну, ложитесь-ка побыстрее, говорю я, пока он не успел сформулировать свои сомнения касательно предстоящей процедуры. Лицом к стене, будьте добры. Полностью обнаженное тело менее унижительно, чем тело в спущенных до щиколоток брюках и трусах. Менее беспомощно. Две ноги в носках и в ботинках, но на щиколотках скованные брюками и трусами.

Как узник в кандалах. Человек в спущенных штанах уйти не может. Его можно подвергнуть внутренней пальпации, но можно и угостить кулаком по лицу. Или расстрелять в потолок полную пистолетную обойму. Черт побери, хватит, я слишком долго слушал это вранье! Считаю до трех... Раз... два... Постарайтесь расслабиться, повторяю я. Не нервничайте, повернитесь на бок. Я подтягиваю перчатки повыше на запястья. Звук, с каким растягивается резина, всегда напоминает мне о праздничных шариках. Которые ты надувал ночью накануне дня рождения, чтобы сделать сюрприз имениннику. Ощущение, пожалуй, будет не из приятных, говорю я. Главное – дышите спокойно. Пациент более чем отчетливо сознает мое присутствие позади своего полуобнаженного тела, однако видеть меня уже не может. Вот тогда-то я улучаю минутку и присматриваюсь к этому телу, по крайней мере к обнаженной его части.

До сих пор я имел в виду мужчину. В нашем примере на кушетке лежит мужчина в спущенных брюках и трусах. Женщины – совсем другая песня. Немного погодя расскажу и о них. Означенный мужчина пробует повернуть голову ко мне, но, как я уже говорил, толком меня не видит. Будьте добры, опустите голову, говорю я. А главное, расслабьтесь. Незримый для пациента, я устремляю взгляд на его голую поясницу. Я уже сказал, что ощущение будет, пожалуй, не из приятных. Между этим заявлением и самим неприятным ощущением нет ничего. Пустой миг. Самый пустой во всей процедуре. Секунды уходят неслышно, будто у метронома отключили звук. Метроном на фортепиано, в немом фильме. Физический контакт пока не состоялся. На голой пояснице следы от трусов. Красные полосы, оставленные резинкой. Иногда вдобавок прыщи или родимые пятна. Кожа в этой области зачастую чересчур бледная, ведь на солнце ее выставляют редко. Почти всегда там растут волосы. Дальше книзу волосатость только увеличивается. Я левша. Правую руку кладу пациенту на плечо. Сквозь резину перчатки чувствую, как он цепенеет. Все тело напрягается и сжимается. Надо бы, наоборот, расслабиться, но инстинкт сильнее, упорствует, сопротивляется близкому наскоку извне.

А затем моя левая рука уже оказывается в нужном месте. Рот пациента открывается, губы размыкаются, сквозь зубы вырывается вздох, когда мой средний палец проникает внутрь. Не то вздох, не то стон. Спокойно, говорю я. Сейчас пройдет. Я пытаюсь ни о чем не думать, но это всегда трудно. Вот и думаю о том, как однажды ночью на футбольном поле уронил в грязь ключ от велосипедного замка. Раскисший участок занимал меньше квадратного метра, и я точно знал, что ключ там. Больно? – спрашиваю я. Теперь к среднему пальцу присоединяется указательный, сообщая мы скорее отыщем ключ. Чутьочку... Где? Здесь?.. Или здесь? Футбольное поле поливал дождь, несколько фонарей еще

горели, но света слишком мало, видно плохо. Большею частью пациенту докучает предстательная железа. Рак или просто увеличение. При первичном обследовании не определишь. Вообще-то я мог бы пешком добраться до дома, а на следующее утро вернуться и продолжить поиски при дневном свете. Но пальцы уже там, грязь глубоко под ногтями, так что с тем же успехом можно искать дальше. Ой! Вот здесь, доктор! Ч-черт! Извините... Ох, черт! И тут вдруг настала та самая мимолетная секунда – мои пальцы нащупали в грязной жиже что-то твердое. Осторожно, это может быть и осколок стекла... Я подношу находку к свету, к тусклому свету фонаря возле футбольного поля, хотя вообще-то уже уверен. Ключ. Он сверкает, блестит, пешком идти домой не придется. Не глядя на свои руки, я снимаю перчатки, бросаю их в педальное ведро. Можете сесть. Одевайтесь. Делать выводы пока рано, говорю я.

Ралф Мейер неожиданно появился у меня в приемной полтора года назад. Я конечно же сразу его узнал. Нельзя ли ему на минуточку... вопрос-то пустяковый, сказал он. Едва войдя в кабинет, он перешел прямо к делу. Правда ли, что у меня, как ему говорили такие-то и такие-то, можно без особых проволочек получить... тут он слегка боязливо огляделся по сторонам, словно опасаясь чужих ушей. «Такие-то и такие-то» были моими многолетними пациентами. В конце концов они все друг другу рассказывали, и в результате Ралф Мейер тоже пришел ко мне. Смотря по обстоятельствам, сказал я. Я должен задать вам несколько вопросов насчет общего состояния здоровья, чтобы позднее не возникло сюрпризов. А после этого? – не отставал он. Если все в порядке, вы в самом деле согласитесь?.. Я кивнул: да. Это можно уладить.

С того дня минуло полтора года, и Ралф Мейер умер. А я должен завтра утром предстать перед Медицинской дисциплинарной коллегией. Не из-за того, в чем помог ему тогда, а из-за кой-чего другого, случившегося позднее, через полгода с лишним: из-за того, что можно назвать «врачебной ошибкой». По поводу Дисциплинарной коллегии особо тревожиться незачем, мы, медики, все знаем друг друга, ведь нередко вместе учились. У нас не так, как в Соединенных Штатах, где адвокат способен уничтожить врача, поставившего неверный диагноз. В нашей стране для этого надо здорово зарваться. Да и тогда. Предупреждение, отстранение от работы на месяц-другой – вот и всё.

Мне необходимо одно: приложить все усилия, чтобы члены Коллегии действительно сразу увидели в этом врачебную ошибку. Я должен постоянно об этом помнить. Должен сам на все сто процентов поверить – во врачебную

ошибку.

Несколько дней назад состоялись похороны. На красивом сельском кладбище в излучине реки. Высокие старые деревья, ветер играл в их кронах, шелестел листвой. Щебетали птицы. Я остановился поодаль от провожающих, мне казалось, так будет благоразумнее, однако то, что произошло затем, явилось для меня полной неожиданностью.

– Как ты посмел прийти сюда?

На миг повисла немая тишина, даже ветер словно бы улегся. И птицы разом смолкли.

– Мерзавец! Как ты посмел? Как посмел?!

Голос у Юдит Мейер как у профессиональной певицы – голос, который должен достигать слушателей в последних рядах концертного зала. Все головы повернулись в мою сторону. Она стояла у открытой задней дверцы катафалка, откуда могильщики только что вытащили гроб с телом ее мужа и подняли себе на плечи.

Юдит ринулась ко мне, прокладывая себе путь сквозь густую толпу провожающих, которые расступались, пропуская ее. На протяжении полуминуты оцепенелое безмолвие нарушал только хруст гравия под ее высокими каблуками.

Прямо передо мной она остановилась. Вообще-то я думал, она влепит мне пощечину. Или забарабанит кулаками по лацканам моего пиджака. Словом, разыграет сцену, по части которых всегда была мастерица.

Но ничего такого она не сделала.

Она посмотрела на меня. Налитыми кровью глазами.

Повторила «мерзавец!», на сей раз куда тише.

И плюнула мне в лицо.

Сфера деятельности домашнего врача не отличается сложностью. Лечить людей ему особо не нужно, нужно лишь заботиться о том, чтобы они не устремлялись в массовом порядке к специалистам и в больницы. Его приемная – форпост, застава. Чем больше народу удастся притормозить уже на форпосту, тем лучше домашний врач делает свое дело. Арифметика простенькая. Если мы, домашние врачи, станем направлять к специалистам и в больницы каждого, кто жалуется на зуд, сыпь или кашель, система рухнет. Целиком и полностью. Эту задачку уже решали. И результат показал, что крах начнется очень быстро. Если каждый домашний врач будет направлять чуть ли не каждого второго пациента на обследование к специалисту, система уже через два дня затрещит по всем швам. А через неделю рухнет. Домашний врач дежурит на заставе. Обычная простуда, говорит он. Посидите недельку дома, а если не пройдет, спокойно загляните еще разок. Три дня спустя пациент захлебнулся ночью собственной мокротой. Бывает, говорит доктор. Редкая комбинация симптомов, встречается разве что у одного на десять тысяч пациентов.

Пациенты плохо пользуются своим численным превосходством. Заходят в кабинет в порядке очереди, по вызову. И я трачу по двадцать минут на каждого, чтобы убедить их, что они ничем не хворают. Принимаю я с половины девятого до часу. Иначе говоря, трех пациентов в час, а в день – двенадцать-тринадцать. С точки зрения системы я идеальный домашний врач. Мои коллеги, полагающие, что на пациента вполне достаточно и десяти минут, принимают в день до двадцати четырех человек. При двадцати четырех вероятность, что несколько человек прорвутся сквозь заслон, выше, чем при двенадцати. Здесь играет роль и эмоциональный аспект. Пациент, которому уделяют всего-навсего десять минут, скорее почувствует, что его попросту спроваживают, чем тот, с кем такая же беседа растягивается на двадцать минут. У последнего создается впечатление, что его жалобы воспринимают всерьез. И он не станет с ходу настаивать на специальном обследовании.

Конечно, случаются и ошибки. Без ошибок означенная система не сможет существовать. Ведь как раз ошибки и составляют ее основу. Ошибочный диагноз тоже приводит к нужному результату. Правда, зачастую в ошибочном диагнозе даже нет необходимости. Главное оружие, каким располагаем мы, домашние

врачи, это лист ожидания. Большей частью достаточно лишь упомянуть о нем. На это обследование есть лист ожидания, ждать очереди придется от полугода до восьми месяцев, говорю я. Операция, скорее всего, улучшит ваше состояние, однако лист ожидания... Половина пациентов при одном упоминании листа ожидания уже идет на попятный. Я вижу по их лицам: они испытывают облегчение. Раз отложили, то, глядишь, и отменят, думают они. Кому охота глотать зонд толщиной с садовый шланг? Процедура неприятная, замечая я. Но у вас есть выбор: набраться терпения, возможно, покой и лекарства сделают свое дело и все само пройдет. А через полгода посмотрим.

Можно бы спросить себя, как же получается, что в такой богатой стране, как наша, существуют листы ожидания. Меня это наводит на мысль о газовом месторождении. О наших газовых запасах. Как-то раз я даже затронул эту тему, встретившись с коллегами в неформальной обстановке. Сколько кубометров газа надо продать, чтобы за неделю ликвидировать лист ожидания на операции по восстановлению бедренного сустава? – спросил я. Скажите на милость, как получается, что в цивилизованной стране вроде нашей люди умирают, прежде чем до них дойдет черед по листу ожидания? Так подсчитывать нельзя, сказали коллеги. Нельзя сопоставлять газовые запасы и количество операций на бедренном суставе.

Наше газовое месторождение огромно, самый неблагоприятный сценарий и тот предполагает, что запасов достаточно на ближайшие шестьдесят лет. Шестьдесят лет. Запасов нефти в Персидском заливе хватит на меньший срок. Мы – богатая страна. Такая же богатая, как Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, – однако люди у нас по-прежнему умирают, оттого что не дождались новой почки, младенцы умирают, оттого что «скорая», которой предстояло спешно доставить их в больницу, застряла в дорожной пробке, жизни матерей находятся в серьезной опасности, оттого что мы, домашние врачи, внушили им, будто роды на дому безопасны. А ведь вообще-то должны были сказать, что так только дешевле, – здесь действует тот же принцип: если каждая женщина станет претендовать на роды в больнице, система не выдержит и недели. Теперь попросту заранее принимаются в расчет риски смерти новорожденных и рождения детей с повреждениями головного мозга, ввиду того что при родах на дому невозможно дать кислород. Изредка какой-нибудь медицинский журнал печатает статью, порой выдержки из такой статьи появляются в той или иной газете, но и эти выдержки позволяют заключить, что смертность новорожденных в Нидерландах – самая высокая в Европе и вообще на Западе. Никаких выводов из подобных цифр до сих пор не сделано.

Домашний врач тут фактически бессилен. Он может успокоить человека. По крайней мере, может позаботиться, чтобы пациент до поры до времени не обращался к специалистам. Может убедить женщину, что, рожая дома, она совершенно ничем не рискует и что так вообще намного «естественнее». Хотя естественнее это разве только в смысле, что и смерть тоже естественна. Мы можем прописать мазь или снотворное, можем вытравить кислотой родимое пятно, можем удалить вросшие ногти. Работенка зачастую не из приятных. Вроде как уборка на кухне, грубой губкой мы счищаем пригоревшие остатки между конфорками плиты.

Порой ночами я лежу без сна. И размышляю тогда о газовом месторождении. Большей частью оно представляется мне таким пузырем наподобие мыльного и располагается прямо под почвой – достаточно пробурить отверстие, и пузырь опустеет или лопнет. А бывает, газ занимает куда большую площадь. Заполняет пустоты в рыхлой земле. Незримые молекулы газа перемешиваются с крупинками земли. Ничем не пахнут. Но поднеси спичку – вмиг все взорвется. Огонек обернется пожаром, который за несколько секунд охватит сотни квадратных километров. Под землей. Верхний слой ее просядет, мосты и здания лишатся опоры, люди и животные утратят почву под ногами, целые города рухнут в огненную бездну. Я с открытыми глазами лежу в темноте. Порой гибель нашей страны принимает форму документального репортажа. Документального фильма «Нэшнл джиогрэфик», с графиками и компьютерной анимацией, по части которых американцы большие мастера: о прорванных плотинах и цунами, о лавинах и селях, погребаящих под собой деревни и города, о громадной вулканической круче, отколовшейся от острова, исполинская глыба падает в море и вызывает приливную волну, которая спустя восемь часов и на расстоянии тысяч километров достигает высоты в тысячу двести метров. «The Disappearance of a Country», завтра вечером, в 21.30, на этом канале. Исчезновение нашей страны. Наша страна, уничтоженная собственными газовыми резервами.

Иной раз, лежа ночью без сна, я думаю о Ралфе Мейере. К примеру, о его роли императора Августа в одноименном телесериале. Эта роль прямо-таки написана для него, тут и друзья, и недруги согласны. Во-первых, конечно, по причине комплекции, ведь с годами он изрядно погрузнел. Такие габариты приобретаешь, только если регулярно пируешь в ресторанах, отмеченных в мишленовской классификации одной или несколькими звездами. И устраиваешь в своем саду роскошные барбекю: немецкие сосиски, болгарская

баранина, тесселские ягнята на вертеле. Как сейчас помню эти барбекю: огромная фигура Ралфа возле дымящейся жаровни, он собственноручно переворачивает гамбургеры, стейки и куриные ножки. Его небритое раскрасневшееся лицо, в одной руке большая двузубая вилка, в другой – пол-литровая банка «Юпилера». Его голос, по обыкновению разносящийся далеко, по всей лужайке. Голос мощный, как туманный горн, что служит ориентиром для танкеров и сухогрузов, когда они приближаются к отдаленным морским рукавам и чужим гаваням. Последнее барбекю он устраивал не очень-то и давно, месяцев пять назад, по-моему. И тогда уже был болен. По-прежнему сам переворачивал мясо, но придвинул себе пластмассовый садовый стул и орудовал сидя. Неизменно завораживающее зрелище – наблюдать, как болезнь (такая, как у него) поражает человеческое тело. Как она исподволь его изнуряет. Это война. Злокачественные клетки воюют со здоровыми. Сперва атакуют организм с флангов. Небольшая, вполне обозримая атака, демонстративный выпад, цель которого – отвлечь внимание от главного контингента. Человек думает, что одержал победу, во всяком случае отразил первый укол. Главный контингент до поры до времени прячется – в глубине организма, в таком месте, где ни рентген, ни эхография, ни МРТ обнаружить его не могут. Главный контингент терпелив. Ждет, когда войдет в полную силу. Когда победа наверняка останется за ним.

Вчера вечером передавали третью серию. Император консолидирует власть. Меняет имя, из Гая Октавиана становится Августом и игнорирует сенат. Впереди еще десять серий. О том, чтобы прекратить или отложить показ «Августа» из-за кончины исполнителя главной роли, даже и речи не было. Ралф Мейер прекрасно подходит к этой роли, он единственный нидерландский актер среди итальянцев, американцев и англичан, однако ж приковывает к себе все внимание.

По-моему, вчера вечером один я смотрел эту передачу иначе, нежели большинство зрителей. Точнее говоря, другими глазами. Глазами врача.

«Я могу поехать, как обычно? – спросил он меня тогда. – Съемки продлятся два месяца. Если мне придется бросить на полдороге, для всех это будет катастрофа».

«Конечно, – ответил я. – Не беспокойся. Как правило, выясняется, что ничего страшного нет. Мы просто подождем результатов. А после все равно времени достаточно».

Я смотрел, как император Август обращается к сенату. Ни денег, ни труда на этот американо-итальянский фильм не пожалели. Тысячи римских солдат, целые легионы, ликующие на холмах вокруг Рима, десятки тысяч мечей, щитов и копий пронзают воздух, флотилии из сотен кораблей на рейде Александрии, гонки на колесницах, бои гладиаторов, рычащие львы и распятые христиане. У Ралфа Мейера болезнь развивалась в самой агрессивной форме. Необходимо срочное оперативное вмешательство, иначе будет слишком поздно. Радикальное вмешательство: a first strike[1 - Упреждающий удар (англ.)], ковровое бомбометание, которое разом нокаутирует злокачественные клетки. Я смотрел на его лицо, на его тело. По всей вероятности, внутри этого тела главные силы уже перешли в наступление.

«Senators! – произнес он. – From this day I am your emperor. Emperor... Augustus»[2 - Сенаторы!.. Отныне я ваш император. Император... Август (англ.)].

Голос, как обычно, разносился далеко – тогда еще разносился. Если что с ним и было уже не так, виду он не подавал. Ралф Мейер был мастер своего дела. Когда надо, переигрывал всех и каждого. В том числе и смертельную болезнь.

3

С годами нормальные люди один за другим исчезли из моей практики. То есть люди, с девяти до пяти занятые на работе. Правда, остались один адвокат и один владелец фитнес-центра, но большинство пациентов – представители так называемых творческих профессий. Вдовы, понятно, не в счет. Их у меня пока хватает. Можно даже сказать, с избытком. Вдовы писателей, актеров, художников... женщины держатся дольше мужчин, они из другого, более стойкого теста. Можно дожить до глубокой старости, существуя в тени. Всю жизнь подавать кофе и наведываться к оптовику за вином для гениев, творящих у себя в ателье. Свежий норвежский лосось для писателей в кабинетах, куда дозволено входить только на цыпочках. Казалось бы, трудно, но на самом деле усилий не требует. Вдовы доживают до старости. До глубокой старости. Нередко даже расцветают после кончины мужей. Я видел их здесь, у себя в кабинете. Они горюют, прижимают к глазам платочек, но и чувствуют облегчение. Облегчение не из тех эмоций, какие легко скрыть. Я смотрю глазами врача. Научился смотреть сквозь их слезы. Долгий уход за лежащим больным –

удовольствие небольшое. Цирроз печени – болезнь затяжная и мучительная. Часто пациент еще тянется к ведру возле кровати, а кровь уже хлещет фонтаном. Трижды в день стелить чистое белье; простыни и одеяла, тяжелые от блевотины и испражнений, требуют куда больше физических сил, чем сервировка кофе и присмотр за тем, чтобы в доме было достаточно джина. Долго ли так будет продолжаться? – думает будущая вдова. Выдержу ли я до похорон?

Но в конце концов этот день настает. Погода прекрасная, небо голубое с белыми облачками, в листве деревьев поют птицы, пахнет свежими цветами. Первый раз в жизни вдова сама находится в центре внимания. Она в темных очках, чтобы никто не видел ее слез, так думает каждый. На самом же деле темные очки скрывают облегчение. Близкие друзья несут гроб к могиле. Произносят речи. И пьют. Много пьют. На похоронах артиста пьют не какой-нибудь там жиденький кофе, а белое вино, водку или старый джин. И едят не какой-нибудь там кекс или пироги с начинкой, а устриц, копченую макрель и печеные тефтельки. Затем вся компания идет в любимое кафе. «Пусть тебе будет хорошо, дружище, где бы ты ни был! Мерзавец! Свинтус ты старый!» Произносят тосты, наливают водку. Вдова уже сняла темные очки. Она смеется. Сияет. Заблеванные простыни еще лежат в корзине с грязным бельем, но завтра в последний раз отправятся в стиральную машину. Она думает, что отныне вдовья жизнь всегда будет такой. Что друзья еще месяцами (годами!) будут пить за нее. За новый центр их внимания. Ведь она пока не знает, что после нескольких визитов вежливости все кончится. А потом воцарится тишина, та самая, что всегда настает после жизни в тени.

Как правило, происходит именно так. Но бывают и исключения. Злость уродует вдов. Нынче утром у дверей моей практики неожиданно поднялся громкий шум. Час был еще ранний, я как раз вызвал первого пациента.

– Доктор! – услышал я голос ассистентки. – Доктор!

Раздался грохот резко опрокинутого стула, а затем другой голос.

– Ты где, мерзавец? – прокаркал он. – Покажись, если хватит духу!

– Подождете секундочку? – Я улыбнулся пациенту и встал.

От входной двери к моему кабинету ведет коридор, сперва надо пройти мимо столика ассистентки, а уже оттуда – в приемную. Приемная, где ждут пациенты, это даже не комната, а продолжение коридора, без двери.

Я быстро огляделся. Сказал ведь, час был ранний. Однако трое пациентов уже сидели там, листая старые номера «Мари-Клер» и «Нэшнл джиогрэфик». Правда, в эту минуту больше не листали. Уронили журналы на колени и смотрели на Юдит Мейер. После смерти мужа Юдит, мягко говоря, краше не стала. Кожа на лице покраснела, но не везде, а потому казалась пятнистой. За спиной Юдит моя ассистентка знаками показывала, что ничего поделать не могла. Еще дальше, у входной двери, валялся опрокинутый стул.

– Юдит! – сказал я и раскинул руки, словно обрадовался ей. – Чем могу быть полезен?

На секунду-другую мои слова вроде как выбили ее из колеи, но действительно лишь на секунду-другую.

– Убийца! – выкрикнула она.

Я покосился на пациентов в приемной, всех троих я знал в лицо. Кинорежиссер с геморроем, галерист с нарушением эрекции и уже немолодая актриса, ожидающая первенца, хотя и не от белокурого, долговязого и вечно небритого актера, с которым семь месяцев назад сочеталась браком в одном из замков Тосканы: все за счет светской программы коммерческого канала, который получил право полностью транслировать церемонию и последующую вечеринку. Я пожал плечами и подмигнул ей. Экстренный случай – вот что я хотел ей сказать пожатием плеч и подмигиванием. Типичный случай острой истерии. Алкоголь или наркотики – или то и другое сразу. Чтобы она непременно заметила, я подмигнул еще раз.

– Юдит, – сказал я как можно спокойнее, – давай-ка пройдем в кабинет, посмотрим, чем я могу быть тебе полезен.

Не дожидаясь ее ответа, я повернулся и большими шагами вернулся в кабинет. Там я положил руки на плечи пациента:

– Посидите минуточку в приемной, ладно? Ассистентка пока выпишет вам рецепт.

4

Я смотрел через стол, в лицо Юдит Мейер. По-прежнему пятнистое. Не то белое в красных пятнах, не то красное в белых.

– Тебе конец! – крикнула она и добавила: – Можешь закрывать лавочку. – Тут она резко кивнула головой на дверь моего кабинета, за которой ждали пациенты.

Я облокотился на стол. Сложил ладони, соединив кончики пальцев, и слегка наклонился вперед.

– Юдит... – Я замолчал, не зная пока, как продолжить. – Юдит, не рано ли делать столь далеко идущие выводы? Пожалуй, вначале я поставил Ралфу ошибочный диагноз. Я это признал. Завтра меня будут обсуждать на Дисциплинарной коллегии. Но сознательно я никогда не...

– Посмотрим, как отреагирует Коллегия, когда я сама обо всем расскажу.

Я не сводил с нее глаз. Попробовал улыбнуться, но рот не слушался, как в тот раз, когда я упал с велосипеда и сломал нижнюю челюсть. Яма на дороге. Земляные работы. Вообще-то рабочие установили заборчик, предупредили велосипедистов о яме, однако какие-то озорники убрали ограждение. В травмопункте мне скрепили челюсти проволокой и велели полтора месяца молчать, а есть я мог только жидкую пищу, через соломинку.

– Ты и туда пойдешь? – спросил я как можно спокойнее. – Но так вообще-то не принято...

– Да, они тоже так сказали. Однако сочли дело достаточно серьезным и сделали исключение.

Вот тут я улыбнулся. Во всяком случае, сумел скривить губы и изобразить подобие улыбки. Правда, с ощущением, будто впервые открыл рот после многих дней молчания.

– Я отлучусь на минутку к ассистентке, – сказал я, вставая, – и заодно прихвачу все бумаги.

Юдит тоже собиралась встать:

– Не трудись. У меня все. Встретимся завтра на Коллегии.

– Секунду. Я сейчас же вернусь. Там есть кое-что для тебя интересное. Кое-что, о чем ты не знаешь.

Она уже привстала. Посмотрела на меня. Я старался дышать ровно. Она снова села.

– Секунду, – повторил я.

На сей раз я, не удостоив взглядом ожидающих пациентов, прошел прямо к столику ассистентки. Она прижимала к уху телефон.

– Только мазь или и крем тоже? – спросила она в трубку.

– Лисбет, ты не могла бы... – сказал я.

– Погоди минутку. – Она закрыла микрофон ладонью.

– Будь добра, отправь всех пациентов по домам, – сказал я. – И обзвони остальных. Придумай что-нибудь, все равно что. А потом тоже можешь уйти. На сегодня ты свободна. Нам с Юдит надо... Лучше мне потолковать с ней подольше...

– Ты слышал, как она тебя обзывала? Нельзя же...

– Я не глухой, Лисбет, – перебил я. – Юдит не в себе. Сама не знает, что говорит. Пожалуй, я недооценил серьезность болезни Ралфа. Уже это достаточно скверно. Так что мне необходимо... необходимо что-нибудь сделать, уведу ее отсюда, угощу чашечкой кофе где-нибудь на воздухе. Ей требуется внимание. Вполне понятно. Но я не хочу, чтобы пациенты видели, как я ухожу вместе с ней. Стало быть, отправь их быстренько по домам.

Когда я вернулся в кабинет, Юдит Мейер так и сидела возле моего стола.

Она обернулась ко мне. Взглянула на мои пустые руки, потом вопросительно посмотрела в глаза.

– По-моему, история болезни все-таки где-то здесь, – сказал я.

5

Врачебная практика вроде моей имеет и свои теневые стороны. К примеру, постоянно получаешь всевозможные приглашения. Пациенты полагают, что ты до некоторой степени из их компании, но именно до некоторой степени. Вернисажи, книжные презентации, кино- и театральные премьеры – дня не проходит, чтобы в почтовом ящике не оказалось приглашения. И ведь не отвертишься. В случае с книгой еще можно соврать, что прочел только до половины, а стало быть, пока не можешь о ней судить. Но театральная премьера есть театральная премьера. После спектакля необходимо что-нибудь сказать. От тебя ждут отзыва. Никогда не говори, что думаешь. Никогда. Благоразумно держи свое мнение при себе. Одно время я пробовал обходиться общими фразами. Вроде «кое-что было совсем недурно» или «а вы сами как считаете?». Но им общих фраз недостаточно. Нужно сказать, что, по-твоему, это просто фантастика и ты очень благодарен, что мог присутствовать на этой исторической премьере. Кинопремьеры бывают чаще всего вечером в понедельник. Но и оттуда сразу не уйдешь. Они же наверняка видели твою голову. Тебе хочется пораньше попасть домой, ты здесь единственный посторонний: единственный, кому завтра, как всегда, с утра на работу. Стоишь лицом к лицу с исполнителем главной роли или с режиссером, говоришь, что ты в восторге. А потом хорошо добавить: «Берет за сердце». Это ты говоришь о финале фильма. Держишь в руке бокал шампанского и смотришь исполнителю

главной роли или режиссеру прямо в глаза. Финал фильма ты уже забыл, вернее, сумел его вытеснить. Делаешь серьезное лицо и произносишь: «Финал берет за сердце». После этого можно идти домой.

Не знаю, что хуже: сам фильм, сам спектакль или последующая тусовка. По опыту мне известно, что во время кинопросмотра думать о посторонних вещах удобнее, чем во время театрального спектакля. В театре отчетливее осознаешь, где находишься. Где находишься и как тянется время. По собственным часам. Специально для театральных премьер я обзавелся часами со светящимися стрелками. Пока идет спектакль, со временем что-то творится. И в этом я до сих пор толком не разобрался. Время не стоит на месте, нет, – оно густеет. Смотришь на актеров и актрис, на их движения, слышишь реплики, которые они произносят, и словно бы мешаешь ложкой быстро загустевающую субстанцию. В какой-то миг ложка застревает. Стоит торчком – и ни с места. Помешивать более невозможно. Вот тогда-то я и смотрю на часы. Причем украдкой. Кому охота, чтобы во время спектакля его застукали: ах, какой ужас, этот человек смотрит на часы! Я осторожно чуть-чуть отодвигаю рукав пиджака. Тру запястье, будто там чешется. И быстро бросаю взгляд на светящиеся стрелки. Их положение каждый раз однозначно свидетельствует, что реальное время и театральное время – величины совершенно разные. Вернее, это времена, текущие в разных, сиречь параллельных, измерениях. Ты думаешь (надеешься, молишь), что минуло уже полчаса, а стрелки говорят, что свет в зале погас всего-навсего двадцать минут назад. Пока идет спектакль, охи и вздохи под запретом. Охами и вздохами лишь без всякой необходимости привлечешь к себе внимание. Кто чересчур громко охает или вздыхает, тот мешает актерам сосредоточиться. Только вот не охать и не вздыхать никак не получится. Ведь уйти нельзя, и в этом состоит самое большое отличие от кино. Пока демонстрируют фильм, можно в потемках незаметно сделать ноги. Даже на премьере. Ему не иначе как приспичило в туалет, думают люди и тотчас о тебе забывают. Не обращают внимания, что ты не возвращаешься. Такое возможно. Да-да. Я неоднократно проделывал этот трюк на кинопремьерах. Первые разы действительно шел в туалет и последний час показа сидел на унитазах, подперев голову руками, охая, вздыхая, чертыхаясь. Но и радуясь. Радуясь и испытывая облегчение. Все лучше, чем сам фильм. Позднее я еще больше наловчился незаметно исчезать. Небрежно, руки в брюки, шел к выходу. А встретив кого-нибудь по дороге, говорил: «Надо глотнуть свежего воздуха». Секунду спустя я был уже за дверью. На улице – трамваи, мотороллеры, люди. Люди с нормальными лицами, с нормальными голосами. И говорят они друг другу нормальные вещи. «Может, еще по рюмашке? Или ты уже домой?» А вовсе не «Черт побери, Марта, надо проследить, чтобы отцово наследство не попало

в неподходящие руки». Сколько подобных фраз человек способен стерпеть за полтора часа? «Моя дочь не ведет себя как шлюха! Или она мне больше не дочь!» Вдобавок в фильме есть музыкальное сопровождение. Год от года звук все громче. Охай и вздыхай сколько хочешь – никто не заметит. Но тут как с болью. Дышишь все чаще и глубже. Собака, когда ей больно, пыхтит, вывесив из пасти язык. Кислород. Необходимо направить к больному месту как можно больше кислорода. Кислород по-прежнему наилучшее болеутоляющее. Я стою на улице. Вижу людей. Вдыхаю уличный воздух. В театре все это немыслимо. Посреди спектакля из зала не выйдешь. Не помешает ненадолго выйти перед началом. Не помешает, но это небезопасно. На улице тебя осаждают соблазнительные мысли. Самая соблазнительная из них: не возвращайся. Ступай домой, скинь ботинки, положи ноги на скамеечку, включи телик и смотри себе посредственное кинцо, виденное уже раз пять. Все лучше, чем театр.

Отчасти дело тут в моей профессии. При моей профессии настоящий отдых жизненно необходим. За целый день я много чего вижу и слышу. А вечером надо непременно выбросить из головы все увиденное и услышанное. Грибок. Кровоточивые бородавки. Кожные складки, внутри которых слишком высокая температура. Женщину весом сто пятьдесят килограммов, которую надо осмотреть в таком месте, куда лучше бы впредь никогда не заглядывать. Во время театрального спектакля такие вещи из головы не выбросишь. Не успеет в зале погаснуть свет, а они уже норовят воспользоваться своим шансом. Ага, думают, потемки! Ну, сейчас мы ему покажем! Свет теперь только на сцене. Да еще мерцают стрелки на часах. Начинается бесконечное время. Великое загустение. В течение рабочего дня я могу радостно предвкушать вечер, который не сулит ничего особенного. Разве что ужин. Кружку пива или бокальчик вина. Выпуск новостей по телевизору. Посредственный фильм или футбольный матч. Такой день уже и начинается хорошо. Открывает перспективу. Можно даже сказать, широкую панораму. Пологий холмистый ландшафт, уходящий к горизонту, а там, в дальней дали, сверкает море. Но день, в конце которого ждет театральный спектакль, похож на гостиничный номер с видом на глухой брандмауэр. Такой день не дышит. Воздуха не хватает, а окно не откроешь – раму заклинило. Охи и вздохи начинаются уже в полдевятого утра, когда я впервые думаю о театре. Обычно я слушаю пациентов вполуха, в рабочий же день со спектаклем «на десерт» не слушаю вовсе. Взвешиваю десятки возможных способов уклониться. Заболел. Грипп. Пищевое отравление. Родственник бросился под поезд. Вспоминаю сцену из «Мизери», где Кейти Бейтс шахтерским кайлом разбивает Джеймсу Кану лодыжку. Надо нанести себе увечье. Во время Сталинградской битвы солдаты по обе стороны фронта простреливали себе ладонь или ногу, только бы не попасть

на передовую. Изобличат – расстреляют. Пациент талдычит про легкие боли в пояснице, а я способен думать лишь об огнестрельных ранениях. В Мексике киллеры из наркокартелей делают зарубки на кончике пули, чтобы она вращалась медленнее. Медленная пуля наносит куда больше внутренних повреждений. А то и вовсе остается в теле. Я размышляю о крайних мерах. Полумеры не помогут. Сломав мизинец, от театральной премьеры не отвертишься: руку на перевязь – и вперед. Тридцатидевятиградусный жар и тот сочтут пошлой отговоркой. Нет, я размышляю о других вещах. Об устричном ноже, который срывается и распарывает ладонь. Насквозь. Острие выглядывает с тыльной стороны руки. Кровотечение начнется, только когда вытащишь нож.

Самое ужасное – пьесы, возникшие «на основе импровизации». Сплошное пустословие. Разрозненные обрывки текста и диалога, «взятые из реальной жизни». Актеры и актрисы в самодельных костюмах. Обыкновенно спектакли на основе импровизаций короче тех, где текст прописан, но здесь как с температурой: на ощупь она может казаться и ниже, и выше той, какую показывает градусник. Смотришь на самодельные костюмы. По ощущению минуло уже полчаса, однако стрелки часов не лгут. Подносишь часы к уху. Может, остановились? Да нет, часы работают от литиевой батарейки, которой хватает на полтора года. Время идет бесшумно. Надо сосчитать до шестидесяти и глянуть на циферблат еще раз.

С устричным ножом всегда существует опасность заражения крови. Обычным людям лучше немедля поспешить в травмопункт. У меня же все необходимое есть дома. От столбняка. От желтой лихорадки. От гепатита А. Из иных склянок одной капли хватит, чтобы вырубиться на полдня. Еще одна капля – и больше не очнешься. Собакам и кошкам делают инъекцию, а вот люди могут сами осушить чашу с ядом. Безобидный стаканчик. Рюмочку. Девяносто процентов воды и вкусовых добавок. Можно достойным образом проститься с родными и близкими. Отпустить шуточку напоследок. Я не раз присутствовал при этом. Большинство умирающих не упускают возможности напоследок отпустить шуточку. Хотя за всю жизнь шуток от них никто слыхом не слыхал. И большей частью они явно долго обдумывали свою шуточку. Будто хотят, чтобы их запомнили такими. Последние слова. Несерьезные последние слова. Близость смерти требует определенной несерьезности, думают они. Да только вот смерть вообще ничего не требует. Смерть приходит за тобой. Хочет, чтобы ты ушел с нею, предпочтительно без особого сопротивления. «Присоединяйся», – говорят они и залпом осушают рюмку. Через минуту закрывают глаза, а еще через минуту уже мертвы. Последняя рюмочка редко сопровождается слезами. И я никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь говорил своей жене: «Я всегда любил

только тебя одну. Мне будет тебя не хватать. А может, и тебе меня». Никогда. Несерьезность. Шутка. Точно так же и с похоронами. Они тоже должны быть в первую очередь веселыми. Надо смеяться, выпивать, чертыхаться. Иначе будет по-мещански. Мещанские похороны для артиста – самый жуткий кошмар. «Хенк именно так бы и хотел, – говорят они, разбивая о гроб бутылки с виски. – Чтобы народ веселился, а не рыдал, черт побери!» Мода на веселые похороны возникла, помнится, лет пятнадцать назад. Розовые гробы, некрашенные деревянные гробы, гробы, разрисованные драконами и акульими зубами, гробы из «ИКЕА», гробы, завернутые в пластик или упакованные в мешки для мусора. Хуже всего, по-моему, приходится детям. Для ребенка присутствие на похоронах само по себе уже стресс, а когда умирает артист, дети вдобавок обязаны веселиться. Обклеивать папин гроб стикерами или стишками. Класть в гроб его любимую кофейную кружку с надписью «FUCK YOU!». На потом. Для того света. Ожидающего в конце долгого пути. Пусть и там пьет кофе из своей любимой кружки с надписью «FUCK YOU!». Главное, детям нельзя плакать. Им раскрашивают лица, дают шарики, дудки и бумажные колпаки. Ведь папа очень хотел, чтобы дети на его похоронах веселились. Чтобы играли в прятки среди могильных камней. Чтобы после был лимонад, и торт, и большая коробка тоффи, и «сникерсы», и «марсы».

Все они стремятся на одно и то же кладбище. Расположенное в излучине реки. Там свой лист ожидания. Нормальные люди, которые с девяти до пяти сидят на работе, про этот лист вообще не спрашивают. Из-за того что кладбище располагается в излучине реки, раза четыре в году гроб для похорон доставляют на катере. В таком случае куда больше шансов на следующий день увидеть фото в газете. Катер отплывает из центра и идет под мостами, поэтому кадры получаются красивые. Вдобавок он непременно разукрашен как на праздник: цветы и венки, мужчины и женщины в узорчатых костюмах, в островерхих шапках. На спине у женщин крылья как у бабочек, у мужчин усы выкрашены в зеленый и красный цвет. На баке четверо одетых в клоунские костюмы музыкантов из Общества симпатичных трубочей играют что-то веселенькое. Все на этом катере и на остальных лодках процессии уже в изрядном подпитии. Нормальные люди глядят со стороны на проплывающую флотилию, однако пьяные родственники на нормальных людей даже не смотрят.

Я не могу не отдать должное Ралфу Мейеру или, пожалуй, скорее Юдит, ведь его похороны до известной степени были нормальными. Не катер, а обычный катафалк. Провожающих не меньше тысячи человек. Съемочные группы нескольких телеканалов. Когда катафалк с гробом въехал в кладбищенские ворота, мне пришлось отступить немного назад, чтобы не попасть прямиком на

глаза членам семьи. Юдит надела большие темные очки, на голове черный платок в мелкий белый горошек. Вероятно, из-за этого платка она в тот день больше чем когда-либо напомнила мне Жаклин Кеннеди, хоть я и не думаю, чтобы Жаклин Кеннеди плюнула в лицо нежелательному гостю на похоронах, в присутствии тысячи людей.

После упомянутого инцидента я не сразу ушел с кладбища. Сперва отошел назад, к ограде, затем еще дальше, к самой реке. По волнам мчалась гребная шлюпка, а какой-то мужчина ехал на велосипеде вдоль берега и что-то кричал гребцам в мегафон – видимо, давал указания. Пара лебедей с птенцами в кильватере еще усиливала впечатление, что, как говорится, «жизнь идет своим чередом». Постояв минуту-другую, я повернулся и пошел обратно на кладбище.

Тысяча человек в траурном зале, понятно, не помещалась, поэтому речи держали под открытым небом. Выступили бургомистр и министр культуры. Коллеги-актеры и режиссеры извлекли на свет божий воспоминания и сочные анекдоты. Порой слышались смешки. Я стоял позади всех, почти скрытый кустами, в нескольких метрах от дорожки. Некий комик поведал историю, в которой сам играл главную роль. Его выступление больше походило на репетицию к будущему шоу. Народ посмеялся, но смех был какой-то натянутый, будто его история не развеселила присутствующих, а скорее сконфузила. Я думал о последних минутах Ралфа Мейера, в больнице, всего-навсего неделю назад. Стаканчик со смертельным коктейлем стоял на передвижном столике возле койки. Рядом с баночкой недоеденного фруктового йогурта, из которой торчала ложка, утренней газетой и биографией Уильяма Шекспира, которую он читал последние недели. Между страницами лежала закладка, Ралф не осилил и половины книги. Он попросил Юдит и сыновей выйти из палаты.

Когда дверь за ними закрылась, он знаком подозвал меня поближе.

«Марк, – сказал он, взял мою руку, притянул ее на одеяло, накрыл другой своей ладонью. – Хочу сказать тебе, что сожалею».

Я посмотрел ему в лицо. С виду вполне здоровое, пусть и довольно худое. Только если видел, каким круглым и мясистым оно было еще месяц-другой назад, ты понимал, что виной тому болезнь. Глаза оставались ясными.

Все-таки странно. Я не раз бывал этому свидетелем. Люди выбирали определенную дату, чтобы умереть, и в назначенный день вдруг словно бы расцветали. Говорили и смеялись куда больше прежнего и будто надеялись, что кто-нибудь их удержит. Скажет, что ставить вот так точку – сущая нелепость.

«Я не... я никогда... – продолжал Ралф Мейер. – Сожалею. Вот что я хотел тебе сказать».

Я не ответил. С помощью надлежащих медикаментов и кой-каких крайне неприятных лечебных процедур он бы, наверно, прожил еще месяц. Но выбрал стаканчик с отравой. Достойный уход. Осушив этот стаканчик, избавишь близких от воспоминаний, которые трудно стереть из памяти.

И все же так странно. Смерть по добровольному выбору. В определенный, назначенный тобою самим день. Капитуляция. Почему не завтра? Почему не через неделю? Почему не вчера?

«Как она... сейчас?» – спросил он. Я видел, как он осекся, как все-таки сумел не назвать ее имя. Не знаю, что бы я сделал, произнеси Ралф Мейер ее имя вслух.

Я пожал плечами. Думая об отпуске год с лишним назад. На даче.

«Марк, – сказал он, сжимая мою руку. Ему хотелось сжать ее покрепче, и тут я вправду почувствовал, как мало у него сил. – Можешь передать ей... мои слова... те, что я сказал тебе?»

Я отвел глаза, без труда высвободил свою руку из его ладоней – из тех самых рук, чья сила когда-то принуждала других людей делать то, чего они не хотят. Вопреки их желанию.

«Нет», – ответил я.

Это случилось полчаса спустя. Я стоял в коридоре, сыновья Ралфа проголодались и ушли в столовую. Юдит Мейер вернулась из туалетной комнаты, где подкрасила губы и умыла глаза.

– Я рада, что ты был с ним, – сказала она.

Я кивнул:

– Он ушел красиво. – Такие вот слова говоришь в подобные минуты. Наперекор себе. Тут как со спектаклем, о котором говоришь, что находишь его потрясающим. Или концовку фильма – берущей за сердце.

К нам спешил человек в белом больничном халате. Он остановился прямо перед нами, протянул Юдит руку:

– Госпожа Мейер?

– Да? – Она пожала протянутую руку.

– Маасланд. Доктор Маасланд. У вас найдется минутка?

Под мышкой он держал коричневый скоросшиватель. Справа вверху виднелась наклейка с надписью фломастером «Г-н Р. Мейер», а ниже мелким типографским шрифтом – название больницы.

– А вы? – спросил Маасланд. – Член семьи?

– Я домашний врач, – ответил я, в свою очередь протягивая ему руку. – Марк Шлоссер.

Маасланд мою руку проигнорировал.

– Доктор Шлоссер, – сказал он. – Ну что ж... Собственно, весьма кстати. Есть кой-какие вопросы... – Он открыл скоросшиватель, принялся листать. – Где же это? Ах, вот.

Что-то в манере поведения Маасланда заставило меня насторожиться. Как и все специалисты, он не давал себе труда скрыть глубокое презрение к домашним врачам. Хирург или гинеколог, терапевт или психиатр – взгляд у всех у них одинаковый. В свое время не было охоты учиться дальше? – говорил этот взгляд. Поленился корпеть еще четыре года? Как видно, боялся серьезной работы? Мы оперируем людей, проникаем к внутренним органам, к системе кровообращения, к мозгу, центру управления человеческим телом, мы знаем это тело, как ремонтник знает автомобильный мотор. Домашний врач вправе только открыть капот двигателя, а затем покачать головой – с удивлением и восторгом перед таким чудом техники.

– Вчера мы с господином Мейером еще раз просмотрели всю историю его болезни, – сказал он. – Обычная процедура перед эвтаназией. В конечном счете не вы направили к нам господина Мейера, верно, доктор Шлоссер?

Я сделал вид, что задумался, потом сказал:

– Да, верно.

Маасланд вел пальцем по листу бумаги в скоросшивателе.

– Я спрашиваю, потому что здесь... да, вот здесь написано... – Палец остановился. – Вчера господин Мейер сообщил нам, что в октябре минувшего года ходил к вам на прием.

– Возможно. Вполне возможно. Он бывал у меня, правда время от времени. Когда в чем-нибудь сомневался. Или хотел узнать мнение другого врача. Я... я друг семьи.

– А по какой причине он приходил к вам в октябре, доктор Шлоссер?

– Так сразу и не вспомню. Нужно посмотреть записи.

Маасланд быстро покосился на Юдит, потом снова перевел взгляд на меня.

– По словам господина Мейера, в октябре прошлого года вы сказали ему, что нет ни малейшего повода для тревоги. А ведь уже тогда у него проявились первые

симптомы болезни.

– Я не могу сейчас сказать точно. Возможно, он уже тогда о чем-то меня спрашивал. Возможно, что-то чувствовал и просто хотел, чтобы я его успокоил.

– Во время упомянутого октябрьского визита вы брали у господина Мейера биопсию, доктор Шлоссер? И затем отослали к нам на анализ?

– Думаю, это я бы определенно запомнил.

– Мне тоже так кажется. Тем более что изъятие ткани сопряжено с известным риском. В худшем случае оно способно ускорить развитие болезни. Надеюсь, вы отдадите себе в этом отчет, доктор Шлоссер?

Капот двигателя. Я мог его открыть, но не имел права трогать проводки и шланги.

– Особенно странно, что господин Мейер все это прекрасно запомнил, – продолжал Маасланд. – Что вы отправите биопсию на анализ. А он позднее позвонит вам, чтобы узнать результат.

Ралф Мейер умер. Его тело, вероятно уже порядком остывшее, лежало в нескольких метрах от нас, за зеленой дверью с табличкой «СОБЛЮДАЙТЕ ТИШИНУ». В палату не войдешь, не спросишь у него, не ошибся ли он вчера с датой.

– В данный момент я не могу припомнить, – сказал я. – Мне очень жаль.

– Как бы там ни было, биопсия к нам не поступала.

Вы же понимаете, чуть не сказал я. Понимаете, что в предпоследний день своей жизни Ралф Мейер начал изрядно все путать. Из-за медикаментов. Из-за ослабленного состояния. Но я промолчал.

Тогда в разговор вступила Юдит Мейер:

– Октябрь...

Маасланд и я посмотрели на нее, но взгляд Юдит был устремлен на меня одного.

– Ралф тревожился, – продолжала она. – Ему предстояли почти двухмесячные съемки в Италии. Через несколько дней он должен был выехать туда. Он говорил мне, что, по-твоему, все это пустяки, но на всякий случай ты что-то послал в эту больницу. Чтобы его успокоить.

– Мы ничего не получали, – заметил Маасланд.

– В самом деле очень странно, – сказал я. – Думаю, я никак не мог бы забыть такое.

– Потому-то я и пришел к вам, госпожа Мейер, – сказал Маасланд. – Мы считаем дело слишком серьезным, чтобы оставить его без внимания. И намерены копнуть поглубже. Я хотел просить вашего разрешения на вскрытие.

– О нет! – воскликнула Юдит. – Вскрытие? Это необходимо?

– Оно позволит нам и вам тоже, госпожа Мейер, составить более четкую картину случившегося. Вскрытие показывает многое. Например, мы увидим, вправду ли у вашего мужа брали биопсию и когда. За последние годы методы исследования усовершенствовались. Если биопсия имела место, можно с очень большой точностью определить, когда ее брали в первый раз. С точностью не просто до месяца, но до дня.

7

Спустя всего три недели после того, как Ралф Мейер полтора года назад неожиданно пришел ко мне на прием, в почтовый ящик бросили приглашение на премьеру «Ричарда II». Вскрывая конверт, я ощущал те же физические симптомы, какие вызывали у меня все приглашения. Сухость во рту, замедленное сердцебиение, влажные кончики пальцев, давление изнутри глазниц и боязнь, как в дурном сне, в кошмаре, когда заезжаешь в жилой массив района новостроек, сворачиваешь налево, потом направо, а выбраться не можешь, обречен кружить там много дней.

– Ралф Мейер? – удивилась Каролина. – В самом деле? Я и не знала, что он твой пациент.

Каролина – моя жена. На премьеры она никогда со мной не ходит. Как и на книжные презентации, вернисажи и ретроспективы на кинофестивалях. Ее они пугают еще больше, чем меня. И я редко настаиваю. Хотя иной раз буквально на коленях умоляю пойти со мной. Тогда она знает, что дело серьезное, и без протестов составляет мне компанию. Но я этим не злоупотребляю. К мольбам на коленях прибегаю лишь в случаях крайней необходимости.

– «Ричард Второй», – сказала она, развернув пригласительный билет. – Шекспир... Ах, почему бы и нет? Я иду с тобой.

Мы сидели на кухне, завтракали. Дочери уже ушли в школу. Лиза, младшая, в среднюю школу поблизости, за углом, Юлия на велосипеде укатила в лицей. Через десять минут явится мой первый пациент.

– Шекспир, – заметил я. – Это же минимум три часа.

– Зато с Ралфом Мейером. Ни разу еще не видела его живьем.

Когда моя жена произносила имя актера, взгляд ее подернулся мечтательностью.

– Что смотришь? – спросила Каролина. – Сам ведь прекрасно знаешь. Любой женщине любопытно поглядеть на этого Ралфа Мейера. Тут и три часа не срок.

Словом, через две недели мы отправились в Городской театр на премьеру «Ричарда II». Я не впервые шел на шекспировский спектакль. Видел их уже штук десять. «Укрощение строптивой», где все мужские роли играли женщины; «Венецианского купца», где все актеры были в подгузниках, а все актрисы – в мусорных мешках и с пакетами из супермаркета на голове; «Гамлета» с монголоидами, ветряками и (дохлым) гусем, которому на сцене отрубали голову; «Короля Лира» с экс-наркоманами и сиротами из Зимбабве; «Ромео и Джульетту» в недостроенном туннеле метро, где по стенам текла сточная вода, а на ее фоне проецировались слайды концлагерей; «Макбета», где все

женские роли играли голые мужчины, единственной их одеждой был шнурок на задку, а на сосках висели наручники и гири, звуковое же сопровождение составляли пушечные выстрелы, номера из альбомов группы «Radiohead» и стихи Радована Караджича. Помимо того что духу не хватало разглядывать, как наручники и гири прикреплены к соскам (или продеты сквозь них), главной проблемой опять было течение времени. Мне вспоминаются задержки авиарейсов, бесконечные задержки на полдня и дольше, которые протекали вдесятеро быстрее этих спектаклей.

Однако «Ричарда II» актеры играли в костюмах тогдашней эпохи. Декорации вполне достоверно воспроизводили залу средневекового замка. При появлении Ралфа Мейера кое-что произошло: если сначала публика просто примолкла, то теперь воцарилась мертвая тишина. Перед первой репликой Ричарда поголовно все затаили дыхание. Я искоса взглянул на Каролину, но ее внимание было целиком и полностью приковано к происходящему на сцене. Щеки горели румянцем. Три часа спустя мы с бокалами шампанского стояли в фойе. Вокруг толпились мужчины в синих блейзерах и женщины в платьях до полу. Множество драгоценностей: браслеты, цепочки, перстни. В углу фойе играл струнный ансамбль.

– Может, пойдем? – Я взглянул на часы и вдруг сообразил, что сделал это впервые за весь вечер.

– Ах, Исида вполне может немножко подождать, – сказала Каролина. – Давай выпьем еще по бокальчику.

Исидой звали шестнадцатилетнюю девушку, которая приходила тогда присмотреть за нашими дочерьми, но родители не позволяли ей возвращаться слишком поздно. Юлии было тринадцать, Лизе – одиннадцать. Года через два можно будет оставлять младшую дочь под присмотром старшей. Однако сейчас еще рановато.

Возвращаясь из бара с новыми бокалами шампанского, я заметил над толпой метрах в десяти от нас голову Ралфа Мейера. Она наклонялась то влево, то вправо. Улыбалась, как улыбаются, привычно принимая поздравления.

– Вон он, – сказал я. – Я вас познакомлю.

– Где? – Моя жена на голову ниже меня и пока не увидела Ралфа. Но спешно поправила подколотые вверх волосы и смахнула с блузки не то воображаемые крошки, не то пылинки.

– Марк. – Ралф пожал мне руку. Пожатие крепкое, каким человек показывает, что использует всего лишь десять процентов своей силы. Он обернулся к Каролине: – Твоя жена? Н-да, у меня нет слов. – Он взял ее руку, наклонился и запечатлел на ней поцелуй. Затем чуть посторонился, положил ладонь на плечо женщины, о присутствии которой мы до этих пор не подозревали, так как Ралф Мейер целиком ее заслонял. Теперь же она буквально выступила из его тени вперед и протянула руку.

– Юдит. – Сначала она обменялась рукопожатием с Каролиной, потом со мной.

Лишь много позже, когда впервые увидел ее одну, я сообразил, что Юдит Мейер вовсе не маленькая. Маленькой она казалась только рядом с мужем – как деревенька у подножия горы. Но тем вечером в фойе Городского театра я переводил взгляд с Ралфа Мейера на Юдит, а с Юдит снова на Ралфа и думал обо всем том, о чем часто думаю, когда в первый раз вижу вместе супружеские пары.

– Вам понравилось? – спросила Юдит Мейер, обращаясь скорее к Каролине, а не ко мне.

– По-моему, замечательно, – ответила Каролина. – Просто фантастика.

– Пожалуй, мне пока лучше уйти, – сказал Ралф. – Тогда вы сможете честно сказать, как вам спектакль. – Он раскатисто захохотал, и несколько человек, обернувшись к нам, тоже засмеялись.

Я уже говорил, иногда мне приходится просить пациентов раздеться. Когда все прочие возможности исчерпаны. За небольшим исключением моя практика состоит преимущественно из семейных пар. Я смотрю на их обнаженные тела. И как бы надвигаю фотопластинки одну на другую. Вижу, как тела сближаются. Вижу рот, губы, прижимающиеся к другим губам, вижу ощупывающие пальцы, ногти на обнаженной коже. Иногда в темноте, а зачастую и нет. Некоторых людей свет ничуть не смущает. Я видел их тела. И знаю, что в большинстве случаев лучше без света. Смотрю на их ноги, лодыжки, колени, ляжки, потом

еще выше, на область вокруг пупка, на грудь или груди, на шею. Собственно гениталии обычно оставляю без внимания. Вижу, конечно, но так, как видишь на асфальте задавленное животное. Взгляд зацепляется разве что на миг, как ноготь за нитку одежды, – и все. О видах со спины я пока не говорил ни слова. Это совсем другая история. Ягодицы в зависимости от их формы или бесформенности способны вызывать нежность или слепую ярость. Безымянная область, где складка между ягодиц переходит в поясницу. Позвоночник. Лопатки. Граница роста волос на шее. Со спины человеческое тело куда больше ничейная зона, нежели спереди. На обратной стороне Луны космический корабль и спускаемый аппарат полностью теряют радиосвязь с Центром управления полетом. Я делаю участливое лицо. Спрашиваю, вам больно и когда вы лежите на боку? А сам думаю о супружеских парах, которые при свете или без света ощупывают друг друга со спины. Вообще-то мне хочется, чтобы все это побыстрее закончилось. Чтобы они снова оделись. Чтобы я снова смотрел только на говорящую голову. Но о телах я никогда не забываю. Соединяю одну голову с другой. Соединяю тела. Заставляю их сплетаться друг с другом. Тяжело дыша, одна голова приближается к другой. Языки всовываются во рты, шевелятся там, ищут. В больших городах встречаются улицы с высокими зданиями, куда солнечного света проникает мало, а то и не проникает вовсе. Между плитками тротуара растут мох и чахлая трава. Там холодно и промозгло. Или, наоборот, жарко и сыро. Повсюду рои мелких мошек. Либо тучи комаров. Можете одеваться. Я видел достаточно. Ваш муж хорошо себя чувствует? А ваша жена?

Я посмотрел на Ралфа Мейера, потом на Юдит. Как я уже говорил, вообще-то она не маленькая. Просто мала для него. Думал я о том самом. Чем люди занимаются друг с другом в темноте. Бросил взгляд на руку Ралфа, которая держала бокал с шампанским. В сущности, чудо, что ножка еще цела.

И вот тогда настала та минута. Минута, о которой я впоследствии часто вспоминал, которая должна была меня предостеречь.

Юдит взяла Каролину за локоть, намереваясь с кем-то ее познакомить. С женщиной, чье лицо казалось мне смутно знакомым, наверняка это была одна из актрис, игравших в «Ричарде II». Так и получилось, что Каролина полуотвернувшись от нас и стояла ко мне и Ралфу спиной.

– Я, во всяком случае, не скучал ни секунды, – сказал я Ралфу. – На сей раз в порядке исключения увлекся.

Лишь через секунду-другую до меня дошло, что Ралф Мейер уже не слушает. Даже не смотрит на меня. И, не прослеживая его взгляда, я мгновенно понял, куда он смотрит.

И выражение глаз изменилось. Когда он со спины окинул Каролину взглядом, с ног до головы, глаза затянуло пленкой. Как у хищных птиц в фильмах о природе. У хищных птиц, которые с высоты полета или с ветки дерева заметили далеко внизу мышку либо иную лакомую добычу. Вот так Ралф Мейер ощупывал взглядом мою жену: как нечто съедобное, отчего поневоле слюнки текут. Рот шевельнулся. Губы приоткрылись, челюсти задвигались, мне прямо почудился скрип зубов, – у него вырвался вздох. Ралф Мейер видел лакомство, его рот радостно предвкушал аппетитный кусочек, который он при первой возможности заглотает в два счета.

А самое примечательное заключалось, пожалуй, в том, что он ничуть не стеснялся. Словно меня рядом вообще не было. С тем же успехом он бы мог расстегнуть гульфик и помочиться. Разницы, по сути, никакой.

Секундой позже он очнулся. Словно кто-то щелкнул пальцами – гипнотизер, который вывел его из транса.

– Марк, – сказал он, словно увидев меня впервые. Потом посмотрел на свой пустой бокал. – Как считаешь? Может, еще по бокальчику?

Позднее в тот вечер, в постели, я рассказал Каролине про этот инцидент. Каролина как раз сдернула с волос резиновое колечко и потрянула головой. Похоже, ее это не шокировало, а скорее позабавило.

– Да ну? – сказала она. – Как, говоришь, он смотрел? Повтори еще разок...

– Как на лакомый кусочек.

– Да? И что? А разве не так? Или ты считаешь иначе?

– Каролина, ну что ты говоришь! Не знаю, как бы выразиться яснее... я... по-моему, это грязно.

– Ох, милый ты мой. Но разве у мужчин грязный взгляд, когда они смотрят на женщин? И наоборот, у женщин, когда они смотрят на мужчин? Я хочу сказать, Ралф Мейер просто бабник, по всему видно. Его жене это, может, и не очень приятно, только ведь она сама выбирала. Ведь женщина сразу замечает, с кем имеет дело.

– Я стоял рядом. А он хоть бы хны.

Каролина повернулась ко мне, пододвинулась поближе, положила руку мне на грудь:

– Надеюсь, ты не ревнуешь? Ведь говоришь прямо как ревнивый муж.

– Да не ревную я! Я прекрасно знаю, как мужчины смотрят на женщин. Но это было ненормально. Все ж таки... грязно. Другого слова я не нахожу.

– Милый ты мой ревнивец, – сказала Каролина.

8

В такой практике, как моя, не стоит слишком дотошно относиться к медицинским нормам. Строго говоря, к врачебной ответственности. В свободных профессиях эксцессы скорее правило, чем исключение. Все мои пациенты клянутся, что выпивают десять больших рюмок в неделю. Я бы мог сказать им правду. А правда такова: две-три рюмки в день. Две – для женщин, три – для мужчин. Правду никому слышать не хочется. Кончиками пальцев я нажимаю на печень. Проверяю на плотность. Сколько рюмок вы, собственно, выпиваете в день, спрашиваю. Меня не обманешь. Алкоголь выходит сквозь кожу. Стаканчик пива перед обедом, а после максимум полбутылки вина, отвечают они. Алкоголь выделяется через поры и испаряется прямо над поверхностью кожи. У меня хорошее обоняние. Нюхом чую, что выпито вчера вечером. От художников и скульпторов несет старым джином или бренди. От писателей и актеров – пивом и водкой. Писательницы и актрисы распространяют на выдохе кислый запах дешевого шардоне со льдом. Они прикрывают рот рукой, но отрывку не остановишь. Конечно, мне есть что сказать. Я могу, как

говорится, попробовать извлечь правду на свет божий. Одно пиво и полбутылки вина: не смешите меня! Тогда пациенты сбегут. Как раньше сбежали от прежнего домашнего врача. От домашнего врача, который, точь-в-точь как я, нажимал пальцами на печень и чувствовал то же, что и я, – но затем сказал им правду. Если так продолжать, максимум через год печень откажет. Финал до крайности мучительный. Печень уже не сможет перерабатывать эту отраву. Токсины распространятся по всему организму. Будут накапливаться в лодыжках, в желудочках сердца, в белках глаз. Белки сначала пожелтеют, потом посереют. Печень начнет постепенно отмирать. Заключительная стадия – собственно отказ. Пациенты сбегают и приходят ко мне. Кто-то – близкий друг, подруга или коллега – рассказывал им о домашнем враче, который не так строго относится к количеству алкоголя, какое можно выпивать за день. Ах, говорю я, число рюмок в день весьма относительно. Живешь-то один раз. Здоровый образ жизни – один из главных стрессовых факторов. Поглядите по сторонам. Сколько людей искусства дожили до восьмидесяти и больше, хотя всегда вели бесшабашную жизнь! Новый пациент явно начинает расслабляться. На лице у него или у нее появляется улыбка. Я говорю то, что они хотят услышать. Называю какое-нибудь имя. Пабло Пикассо, говорю я. Пабло Пикассо тоже был не прочь выпить. Упоминание такого имени преследует двойную цель. Оттого что я ставлю пациентов в один ряд с всемирно известным художником, они чувствуют себя ровней Пабло Пикассо. Я мог бы выразиться иначе. Мог бы сказать: вы пьете куда больше, чем Пабло Пикассо, только вот не обладаете и десятой долей его таланта. В сущности, это просто разбазаривание. Разбазаривание алкоголя, ясное дело. Но я так не говорю. И о других именах молчу. Об именах гениев, допившихся до смерти. В последний день своей жизни Дилан Томас вернулся после обеда к себе, в номер нью-йоркского отеля «Челси». «I've had eighteen straight whiskies, I think that is the record»[3 - Я выпил восемнадцать порций чистого виски, думаю, это рекорд (англ.)], – сказал он жене. И потерял сознание. Вскрытие показало, что печень у него была вчетверо больше нормы. Молчу о Чарлзе Буковски, о Поле Гогене, о Дженис Джоплин. Все дело в том, как вы проживаете свою жизнь, говорю я. Тот, кто умеет наслаждаться жизнью, живет дольше, чем нытики, питающиеся исключительно растительной пищей и биойогуртом. Я рассказываю им о вегетарианцах со смертельными заболеваниями кишечника, о трезвенниках, которые, не дожив и до тридцати, умирают от остановки сердца, о фанатичных противниках курения, у которых слишком поздно обнаруживают рак легких. Посмотрите на страны Средиземноморья, говорю я. Там веками пьют вино, однако в целом народ здоровее, чем в наших краях. О некоторых странах и народах я умалчиваю сознательно. Не упоминаю о средней ожидаемой продолжительности жизни в России, где хлещут водку. Кто не живет, до старости не доживает, говорю я.

Знаете, почему шотландцы не болеют гриппом? Нет? Так я вам расскажу... В этот миг новый пациент, считай, уже почти на крючке. Я называю по памяти марки виски – «Гленфиддик», «Гленкейрн», «Гленкадам» – и подхожу к ключевому моменту предварительной беседы: намекаю, что и сам люблю выпить рюмочку. Что я такой же, как они. Один из них. Не вполне, конечно. Я знаю свое место. Я не артист. Я всего лишь домашний врач. Но ценящий качество жизни выше, нежели на сто процентов здоровое тело.

В моей практике есть одна женщина, бывший министр, которая весит сто пятьдесят килограммов. Бывший министр культуры, я обмениваюсь с ней рецептами. Хотя и не должен бы. Иногда мне совершенно нечем дышать, доктор, говорит она, с пыхтеньем плюхнувшись в кресло возле моего стола. Я прошу ее расстегнуть блузку и спустить с плеч, а сам вооружаюсь фонендоскопом. Звуки внутри жирного тела совсем не те, что внутри тела, где всем органам достаточно пространства. Все вынуждено работать интенсивнее. Вести войну за пространство. Причем заведомо безнадежную. Ведь жир повсюду. Органы в осаде, со всех сторон. Я прослушиваю фонендоскопом. Прослушиваю легкие, которым при каждом вдохе приходится расталкивать жир. Медленно выдохните, говорю я. И слышу, как жир возвращается на прежнее место. Сердце не стучит, а молотит. Работает с перегрузкой. Кровь нужно вовремя закачать во все уголки и закоулки тела. Но и сосуды окружены жиром. Теперь спокойно вдохните, говорю я. Жир упорствует. Двигается, конечно, когда легкие стремятся наполниться воздухом, но уже не освобождает захваченное пространство. Борьба идет за сотые доли миллиметра. Незаметно для невооруженного глаза жир переходит в наступление. Я перемещаю фонендоскоп на переднюю сторону тела. Между грудями бывшей министерши поблескивает тонкая струйка пота, словно водопад вдали, низвергающийся с высоты по горному склону. Я пытаюсь не смотреть на сами груди. А в голову, как всегда, лезут дурацкие мысли. Ничего не могу поделать. Думаю о муже экс-министерши, «драматурге», который большую часть года сидит без работы. Интересно, кто лежит сверху, а кто снизу. Вначале сверху он. Только не может найти опору. Соскальзывает с ее телес, как с заполненной лишь наполовину водяной кровати либо с плохо надутого прыжкового мата. Или, наоборот, слишком глубоко проваливается. Вцепляется руками в плоть. Вообще-то ему бы не помешали веревки и крючья. Не получается, пыхтит жена и отталкивает его. Теперь он снизу. Мне представляются груди над его лицом, как они мягко обрушиваются вниз. Сперва полное солнечное затмение. Свет пропадает. Потом становится нечем дышать. «Драматург» что-то кричит, но все звуки глохнут под грудями, целиком закрывающими лицо. Они чересчур горячие и уже не вполне сухие. Лиловый сосок размером с десертную тарелку затыкает ему рот и нос.

Затем под тяжестью стопятидесятикилограммовой супруги с сухим треском ломается первое ребро. А она даже не подозревает о беде. Хватает его член, заталкивает в себя. Поскольку и там полным-полно жира, проходит некоторое время, пока она убедится, что все идет как надо. Между тем ломается еще несколько ребер. Тут как со зданием в десять этажей, подрядчик едва успел вполглаза посмотреть на чертежи, а строительные рабочие на нижнем этаже уже принимаются сносить несущую стену. Сперва возникают только трещины, затем вся конструкция начинает шататься. И в итоге обрушивается. Языком она щекочет ему ухо. Это последнее, что он ощущает. И слышит. Язык сенбернара, заполняющий всю ушную раковину. Выдохните еще раз, говорю я. Как поживает ваш муж? Работает? Мне бы надо сказать ей, что долго так продолжаться больше не может. Пространства недостает не только внутренним органам. Суставы тоже испытывают огромную перегрузку. Все работает на износ. Коленные чашечки, голеностопные суставы, бедра. Это сравнимо с перегруженным седельным тягачом. На спуске тормоза перегреваются, тягач идет юзом, сносит ограждение и в итоге летит под откос. Однако же я выдвигаю ящик стола, достаю рецепт. Жаркое из свиной вырезки, с черносливом и красным вином. Я вырезал рецепт из журнала. Экс-министерша любит готовить. Стряпня – ее единственное хобби, ничем другим она не интересуется. И рано или поздно достряпается до смерти. Умрет, уткнувшись лицом в сковороду.

Ралф Мейер тоже отличался излишней толщиной, правда на другой манер. Можно сказать, более «естественный». Его габариты поначалу пускали тебе пыль в глаза. Лишний вес облегал его фигуру как слишком просторная одежда. Но, прослушивая его в тот первый визит ко мне, я опять же слышал звуки, какие у здоровых людей слышишь редко. Фонендоскоп я приложил к его голой спине. Прежде всего дыхание. Тяжелое, затрудненное, словно скудные крохи воздуха приходилось доставать ведром из глубоченной шахты. Сердцебиение у него сопровождалось гулким эхом. Как при колокольном звоне. Ниже, в кишечнике, в нижней части желудка, клочкотало и бурлило. Он любил полакомиться ракообразными и птицей, впоследствии я сам в этом убедился. Из тушек мелкой дичи – перепелок, куропаток – он вытаскивал косточки и отправлял их в рот. Дочиста высасывал шейные позвонки, перемалывал зубами хребетики, без остатка выжимая весь сок. «Каждый вечер я играю на сцене, – сказал он. – А днем репетирую новую пьесу. И уже не выдерживаю». Мое имя ему назвал один коллега, так он объяснил. Мой многолетний пациент. Этот коллега и рассказал ему про таблетки. Про то, что у меня легко получить рецепт на такие таблетки – бензедрин, амфетамины, эфедрин. Вот он и интересуется, не считаю ли я как врач, что это для него лучше всего. Я прослушал его

фонендоскопом. Всерьез спрашивая себя, что эти таблетки натворят в его организме. Бензедрин, эфедрин, амфетамин – фактически одно и то же, только названия разные. Сердцебиение учащается, зрачки расширяются, просвет кровеносных сосудов увеличивается. На несколько часов сил вроде как прибывает.

В самом деле, по части назначения определенных медикаментов меня можно назвать покладистым. Да, я покладист. Зачем человеку полночи лежать без сна, если, приняв всего-навсего один миллиграмм лоразепама, он проспит до полудня? Иные медикаменты повышают качество жизни. Некоторые мои коллеги предостерегают пациентов, что можно попасть в зависимость. Дадут кому-нибудь рецептик на валиум, а в следующий раз, когда пациент просит повторный рецепт, к ним вдруг уже не подступиться. Я смотрю на это иначе. Одному нужен пинок под зад, другому требуется, чтобы в течение нескольких часов голова думала поменьше. Все эти медикаменты хороши своей простотой. От пяти миллиграммов валиума тоже станешь поспокойнее, но не потребуется и трех миллиграммов бензедрина, чтобы человек до пяти утра шастал по городу. Или, к примеру, кто-то не смеет заходить в магазины и боится заговаривать с девушками. После двухнедельного курса сероксата он является домой с дюжиной сорочек от Хьюго Босса, настольной лампой от Алана Сетскоу и пятью парами брюк из магазина «Джи-стар роу ритейл стор». Через три недели он заговаривает со всеми девчонками на дискотеке. Не с одной, не с двумя, а со всеми. Его больше не обескураживают ни бессловесное хихиканье, ни откровенный афронт. Недосуг ему обращать внимание на хихиканья и афронты. «Ночь уже» – это для лузеров, для прыщавых типов, которые после семи болтаются со стаканом пива в руке и в одиночестве бредут домой. Еще не вечер, знает он теперь благодаря сероксату. Вечер только сейчас и начнется. Чем раньше начнется, тем дольше продолжится. У него есть отличная первая фраза. Вернее, ему больше нет нужды раздумывать над первыми фразами. Любая сгодится. Особенно если через полминуты она уже забыта. Эти фразы потрясают своей простотой. Какая ты хорошенькая, говорит он хорошенькой девушке. А господин Мулдер тоже существует? – спрашивает он у женщины, которая представилась как Эстер Мулдер. Раньше у меня язык не поворачивался сказать такое, говорит потребитель сероксата. Пойдем ко мне домой или к тебе? Глаза у тебя красивее всего, когда ты смеешься. Если мы сейчас уйдем вместе, то вечер подарит нам кое-что еще. Можно мне прикоснуться вот сюда, или, по твоему, это нахальство? Уже через пять минут мне показалось, что я знаю тебя всю жизнь. Произнесение этих фраз освобождает – другого слова он не находит. Простота – вот что главное. Простота, когда говоришь красивой женщине, что она красива. Ни в коем случае не говори: «Ты знаешь, что очень красива?»

Красивой женщине об этом уже известно. «Ты знаешь, что очень даже красива?» – так мы говорим, как правило, только дурнушке. Женщине, которая еще никогда этого не слыхала. Которой никогда и никто таких слов не говорил. Ее благодарность будет беспредельна. Позднее она примет все: грязный, немытый член прямо в лицо. Немытый член, выплескивающий на нее старое, месяцами копившееся семя. На ее пупок, на губы, на веки. Желтое семя. Желтое, как выцветшая страница книги, которую никто не хотел читать, вот она и валялась на солнце возле шезлонга. Липкое, паршивенькое семя, противно воняющее недопитой, а потом забытой в холодильнике бутылкой. Хотя, с другой стороны, случается... или нет, скажу иначе: можно побиться об заклад, что красивая женщина все же редко слышит, как она красива. Ни один из мужчин на вечеринке не отважится теперь сказать такое. Красивые женщины часто жалуются друг дружке, что окружающие воспринимают их красоту как нечто само собой разумеющееся. Столь же само собой разумеющееся, как Мона Лиза, Акрополь или вид на Большой каньон со смотровой площадки Грандвью-Пойнт. У нас нет больше слов для красивых женщин. Мы онемели. Словно воды в рот набрали. В разговорах обходим красоту красивых женщин молчанием. Случалось где-нибудь еще так замечательно пообедать в последнее время? – спрашивает рот. Какие планы на отпуск? Красавица дает обычные ответы. Поначалу она испытывает радость и облегчение, что ей задают самые обыкновенные вопросы. Заводят с нею будничный разговор. Самый что ни на есть обыкновенный. Самый что ни на есть нормальный. Будто она отнюдь не красавица, а такая же, как любая другая. Но со временем это все ж таки начинает действовать ей на нервы. Что ни говори, ситуация выглядит странно. Красавица несет свою красоту как плюмаж над головой. И странно, что все вокруг болтают о чем угодно, ни словом не упоминая про плюмаж.

А вот Ралф Мейер, к примеру, при первом же удобном случае сказал:

– Красивая у тебя жена. – Он сидел в посетительском кресле возле моего стола и, по крайней мере, говорил напрямик. Тогда он пришел ко мне второй раз, через неделю после премьеры «Ричарда II». Пришел без предупреждения, не записавшись на прием заранее. «Может, пропустите меня? – сказал он моей ассистентке Лисбет. – Я загляну на минутку и сразу уйду».

Сперва я подумал, что он пришел за новым рецептом, однако на сей раз речь про таблетки вообще не заходила.

– Случайно оказался по соседству, – сказал он. – Вот и решил зайти и пригласить тебя лично.

– Да? – Я попытался посмотреть на него совершенно нейтрально, но, увы, не сумел: у меня из головы не шел взгляд, каким он неделей раньше смерил мою жену с головы до ног.

– В эту субботу мы устраиваем вечеринку, – продолжал он. – Дома. Если погода не подведет, то в саду. Я хотел бы пригласить тебя и твою жену.

Думая о своем, я смотрел на него. Интересно, пригласил бы он нас, если бы я был женат не на Каролине, а на другой женщине? Менее привлекательной?

– На вечеринку? – переспросил я.

– В субботу у нас с Юдит двадцатая годовщина свадьбы. – Он покачал головой. – Не верится. Двадцать лет! Как же быстро течет время!

9

– Шустрый малый, – сказал я. – Прет к цели напролом.

Мы сидели за кухонным столом. Урчала посудомоечная машина. Лиза уже легла спать, Юлия у себя в комнате делала уроки. Каролина разлила по бокалам остатки вина.

– Марк, я тебя умоляю! Он просто тебе симпатизирует. Незачем искать повсюду задние мысли!

– Симпатизирует! Я ему вовсе не симпатичен. Он симпатизирует тебе. Так буквально и сказал: «У тебя чертовски симпатичная жена, Марк!» И именно так смотрел на тебя в театре. Как мужчина смотрит на симпатичную женщину. Не смеши меня!

Каролина отпила глоток вина и, склонив голову чуть набок, взглянула на меня. Я видел по ее глазам: неожиданное внимание знаменитого актера Ралфа Мейера казалось ей забавным. И, собственно, обижаться тут не на что. По правде говоря, я и сам считал это забавным. Во всяком случае, более забавным, чем когда знаменитые актеры в упор не замечают твою жену, подумал я. Но в следующую минуту снова вспомнил его алчный взгляд. Взгляд хищной птицы. Нет, все это отнюдь не только забавно.

– Ты говоришь, он пригласил нас на вечеринку потому, что увлечен мной, – сказала Каролина. – Но это не так. На премьеру-то он нас тоже приглашал? А тогда еще меня не видел.

Тут я не мог с нею не согласиться. И все же приглашение на премьеру и приглашение домой, на вечеринку, – вещи разные.

– Давай посмотрим с другой стороны, – сказал я. – Через месяц у тебя день рождения. Ты бы пригласила к себе Ралфа Мейера?

– Ну... – Каролина бросила на меня самый что ни на есть лукавый взгляд, потом сказала: – Да нет... Пожалуй, нет. В этом смысле ты прав. Но вообще-то я просто имела в виду, что незачем с ходу искать везде и всюду задние мысли. Может, он вправду нам симпатизирует. Нам обоим. Ведь и так может быть, а? На премьере я разговаривала с его женой. Не знаю, но иной раз симпатия возникает мгновенно. Так получилось у меня с Юдит. Кто знает, вдруг это она предложила Ралфу пригласить нас.

Юдит. Опять я забыл ее имя. Первый раз я забыл его уже через секунду после того, как в фойе театра пожал ей руку. А второй – сегодня утром, когда Ралф Мейер заговорил о вечеринке.

Юдит, мысленно произнес я. Юдит.

Скажу честно. Когда она подала мне руку и назвала свое имя, я смотрел на нее так, как любой мужчина смотрит на новую женщину, которая впервые появилась в поле его зрения.

Ты бы мог с ней? – подумал я, глядя ей в глаза. Ответ гласил: да.

Юдит тоже смотрела на меня. На какие-то доли секунды наши взгляды встретились и замерли. Так мы с Юдит смотрели друг на друга. Строго говоря, чуть дольше, чем считается благоприличным. И пока я забывал ее имя, она мне улыбалась. Причем улыбались не столько губы, сколько глаза.

Да, говорили ее глаза. Я бы тоже смогла, с тобой.

«Благоприличный» – слово не вполне подходящее. Оно на месте во фразах, какие ты сам предпочитаешь не произносить. Во фразах вроде: «Я все же ожидал, что здесь будут соблюдаться минимальные нормы благоприличия». Нет, себя я никак не могу назвать благоприличным. Я смотрю на женщин так, потому что не знаю, как смотреть на них по-другому. Вероятно, к сожалению для «симпатичных» женщин, для «просто приятных» женщин, однако на таких я из предосторожности взгляд никогда особо не задерживаю. Я не грубиян, в случае чего и оживленный разговор заведу, но язык моего тела не оставит никаких сомнений. Не с тобой, нет-нет, крупными буквами написано у меня на лбу. Даже и думать нечего. Никогда в жизни. Симпатичные женщины компенсируют недостаток физической привлекательности теми или иными умениями, приобретенными в других областях. К примеру, когда собирается компания в сотню человек, именно они намазывают булочки на всех. А не то берут напрокат карнавальные шапки и маски для всех и каждого. Или привозят на грузовом трехколесном велике куда больше дров, чем требуется для всех жаровен. «Вилма такая милая, – твердит народ. – Милейший человек! Кто в наше время так поступает? Кто бы вообще подумал об этом?» Впрочем, любому заметно, что Вилма слишком бледна, слишком худа или попросту слишком некрасива, но ведь она делает столько бескорыстных добрых дел, что язык не повернется заикнуться о ее внешности. В конце концов на одной из таких вот многолюдных вечеринок какой-нибудь мужчина клеится и к Вилме. Часто едва ли не в прямом смысле слова. Тот самый мужчина, который весь вечер стоял на краю танцпола. Двигался заодно с танцующими, но сам на танцпол не выходил. Держал в руке бутылочку пива, покачивал ею в ритме музыки. Но это и единственное, что в нем двигалось ритмично. «Помнишь того парня? – позднее говорит народ. – На вечеринке? Он теперь с Вилмой». Отныне он и к пекарю за двумя сотнями булочек ездит, и дрова колет для жаровен. Вилма отдыхает после многолетних выступлений в роли милого человека. И попробуйте-ка с нею не согласиться. Потом появляются дети. Весьма некрасивые. Высокоодаренные и не слишком контактные. Дети, которые ходят в школу с удовольствием. Перепрыгивают через несколько классов, но всегда бывают объектом издевок. Если впоследствии они работают лишь подсобниками где-нибудь в экологически чистом молочном хозяйстве, то большей частью виновато здесь общество.

Вилмины приятельницы между тем спрашивают себя: ну что Вилма могла найти в этом неповоротливом парне? Однако им все понятно. Что им понятно, Вилме они напрямик не говорят. Только друг дружке. «Хорошо, что у нее есть хоть кто-то, – говорят они. – Может, это звучит глупо, но в известном смысле они вполне друг другу под стать».

Ты бы смог с ней? В студенческие годы мы вечно спрашивали друг друга об этом на практических занятиях по патологоанатомии. Когда на секционный стол клали свежий труп. То изможденную старуху, отказавшую свое тело в пользу науки, то жертву ДТП, у которой в кармане нашли документ с таким же распоряжением. Спрашивали, чтобы унять мандраж. Предшествующий анатомированию человека. «Ты бы смог с ней?» – шептали мы друг другу, украдкой от профессора. Называли суммы. «За штуку? За миллион? Нет? А за пять миллионов?»

Уже тогда мы делили трупы на категории. «Симпатичная» означало обычную дурнушку; «привлекательная» – личико хорошенькое, миловидное, только вот бедра чересчур уж могучие; ну а о «красотке» мы говорили, когда на столе лежала сущая фотомоделка. Тело, глядя на которое безумно жаль, что оно холодное и недвижимое.

Каролина посмотрела на меня.

– Ты что смеешься? Опять у тебя какие-то секреты, да?

Я покачал головой:

– Нет, я думал о Юдит. И о Ралфе. Как он смотрел на тебя. Она, вероятно, даже не представляет себе, какую бомбу они подкладывают под свой двадцатилетний брак, приглашая тебя.

– Марк! Я отнюдь не намерена портить им юбилейную вечеринку.

– Конечно же я знаю, что не намерена. Только обещай ни на секунду от меня не отходить.

Каролина невольно рассмеялась:

– Ох, Марк! Здорово все-таки иметь такого мужа, как ты. Мужа, который меня стережет. Охраняет.

Теперь настал мой черед наклонить голову набок и лукаво посмотреть на нее.

– Что ты наденешь? – спросил я.

10

Всем отцам больше хочется иметь сына, а не дочь. И всем матерям, кстати, тоже. Медицинскую биологию нам читал профессор Херцл. И уже на первом курсе подробно остановился на инстинкте. «Инстинкт истребить невозможно, – говорил Херцл. – Цивилизация может сделать инстинкт незримым. Культура и право заставляют нас держать инстинкты в узде. Однако инстинкт всегда рядом. Ждет, когда человек зазевается, и наносит удар».

Профессор Аарон Херцл. Если кому-то это имя кажется знакомым, подтверждаю: я действительно говорю о том самом Аароне Херцле, которого позднее выгнали из университета по причине исследований головного мозга преступников. Ныне результаты исследований Херцла стали общественным достоянием, но в ту пору – в мои студенческие годы – подобные взгляды можно было высказывать лишь шепотом. Тогда еще верили, что человек по сути своей добр. Каждый человек. Плохой человек способен исправиться, так тогда было принято считать. Каждый плохой человек.

«В сущности, «око за око, зуб за зуб» куда ближе человеческой натуре, чем мы осмеливаемся признать в открытую, – заявлял Херцл. – Ты убиваешь убийцу брата, тесаком кастрируешь насильника жены, отрубаешь руки грабителю, вломившемуся в твой дом. Правосудие зачастую лишь с бесконечными отсрочками выносит такой же итоговый приговор. Смерть. Уничтожение. Мы хотим, чтобы убийцы и насильники никогда больше не разгуливали по нашим улицам. Когда отец умирает, эстафету принимает сын. Он вышвыривает захватчиков из дома и убивает варваров, пытавшихся изнасиловать его мать и сестер. При родах не только отец, но и мать облегченно вздыхают, когда новорожденный оказывается мальчиком. Таковы факты, и даже два тысячелетия цивилизации их не истребили. Да что я! Два тысячелетия? Так было еще

позавчера. Всего два-три десятка лет назад. Нельзя забывать, откуда мы ведем происхождение. Милые, забавные, мягкие мужчины – отлично! Только это ведь вопрос роскоши. В концлагере милых, забавных мужчин в помине нет».

Хочу предупредить недоразумения. Я люблю своих дочерей. Больше всего и всех на свете. Просто я стараюсь быть честным. Мне хотелось сына. Мучительно, чуть не до боли. Сына. Мальчика. Перерезая пуповину, я думал об этом инстинкте. Юлия. С самого ее рождения не было для меня ничего дороже. Моя девочка. Любовь с первого взгляда. Любовь, от которой на глаза набегают слезы. Но инстинкт и впрямь оказался сильнее. В другой раз получится, нашептывал он мне. В течение двух ближайших лет возможна вторая попытка. Появление Лизы поставило точку. Некоторое время мы подумывали о третьем ребенке, но меня не очень-то увлекала перспектива обзавестись третьей дочерью. Так уж оно устроено. Вероятность, что родится третья дочь, в сто раз больше вероятности рождения сына. Мужчины, имеющие трех или больше дочерей, вызывают смех. Для меня настало время примириться с фактами. Научиться жить с ними. Я начал сопоставлять плюсы и минусы. Как сопоставляешь плюсы и минусы сельской и городской жизни. В сельской местности видно больше звезд, там тише, спокойнее и воздух чище. Зато в городе жизнь кипит прямо под боком. Шуму, конечно, многовато, однако не надо ехать за семь километров, чтобы купить газету. Есть кинотеатры и рестораны. За городом больше насекомых, в городе – трамваев и такси. Вероятно, нет нужды пояснять, что в моих расчетах сельская местность означала девочку, а город – мальчика. Люди, живущие в сельской местности, отчаянно изощряются, стараясь даже минусы представить как плюсы. Всего через час я уже в городе, говорит сельский житель. Могу сходить в кино или в ресторан, но всегда радуюсь, что вернусь обратно в тишь природы.

Час туда, час обратно – дистанцию, разделяющую для тебя дочь и сына, лучше выразить невозможно. После рождения Лизы я удовольствовался сельской жизнью. Решил примириться с минусами, а главное – наслаждаться плюсами. Девочки менее неугомонны. Девочки ласковее. Комната девочки пахнет приятнее, чем комната мальчика. О девочках нужно беспокоиться больше, чем о мальчиках, всю твою жизнь. В котором часу им положено быть дома после школьного праздника – тут сроки совсем не те, что у мальчиков. От школы до дома полно темных велодорожек. С другой стороны, все дочери влюблены в своего отца. И вечно сражаются с матерями за жизненное пространство. Каролине иной раз приходится туго. «Из-за чего опять сыр-бор?!» – в отчаянии крикнула она, когда Юлия захлопнула у нее перед носом дверь своей комнаты. «А ты что смеешься? – спросила она у меня, когда Лиза затем, вращая глазами,

подмигнула мне. – Что бы ты ни делал, все всегда правильно. А со мной что не так? Что такое ты делаешь, а я нет?»

«Я их отец», – ответил я.

– А где в точности он играет, пап? – спросила Лиза, когда мы парковали машину в нескольких улицах от дома Ралфа Мейера. Сперва мы проехали мимо, вдоль живой изгороди, потом вдоль садовых кустов в одном из тихих и довольно дорогих районов нашего города. Меж кустов можно было видеть гостей, с рюмками и тарелками в руках они стояли на лужайке. В воздухе висел дымок, видимо от барбекю: мы опустили боковые стекла и тотчас почуяли аромат жареного мяса.

– Он в первую очередь знаменитый театральный актер, – сказал я. – По телевизору выступает не так часто.

Для Лизы знаменитый актер – тот, кто снимается в кино или по меньшей мере в телесериалах, которые передают изо дня в день. Вероятно, еще и молодой актер, не старше Брэда Питта, во всяком случае. Никак не в возрасте Ралфа Мейера, устроившего вечеринку, потому что двадцать лет прожил в браке с одной женщиной.

– В театре тоже можно стать знаменитым? – озадаченно спросила девочка.

– Лиза! Не прикидывайся дурочкой! Конечно, можно. – В ушах у Юлии были наушники айпода, но они явно не мешали ей следить за нашим разговором.

– А что, даже спросить нельзя? – сказала Лиза. – Можно там стать знаменитым, пап? В театре?

Мы отнюдь не планировали заранее взять с собой дочерей на вечеринку к Ралфу Мейеру. Но, поскольку дело было в субботу днем, предложили им такой вариант. Поначалу ни та ни другая интереса не проявили. Однако за полчаса до отъезда, к нашему удивлению, сообщили, что тоже поедут.

«Почему? Это совершенно необязательно, – сказал я. – Мы с мамой вернемся через часок-другой».

«Юлия говорит, что там, наверно, будут знаменитости», – сказала Лиза.

Я посмотрел на Юлию.

«Что ты так смотришь? – спросила она. – Разве нет?»

И вот теперь, когда я запер машину и мы шли мимо кустов и живой изгороди к дому Мейеров, я пытался сформулировать ответ на вопрос младшей дочери. Да, думал я, в театре по-прежнему можно стать знаменитым, только известность эта совсем не такова, как пятьдесят лет назад. Было несколько попыток запечатлеть талант Ралфа Мейера и перед камерой – с весьма сомнительным результатом. Помню полицейский сериал, снятый с показа после восьмой серии, и серьезность, с какой Ралф Мейер произнес фразу: «В участке ты мне все расскажешь, парень!» Эта серьезность не вызывала ничего, кроме смеха. И его роль руководителя Сопротивления в фильме «Мост через Рейн», самом дорогостоящем нидерландском фильме всех времен, тоже успехом не назовешь. Из всей картины мне запомнились только штурм полицейского управления в Арнеме и реплика: «Надо пулю в лоб пустить этой немецкой подстилке!» Ралф Мейер старался выглядеть сдержанным, когда произносил эту фразу, но во взгляде читалось главным образом недоумение. Поскольку герой Сопротивления весом больше сотни килограммов выглядел неправдоподобно, он сидел на диете. И явно сбросил не один килограмм, но потеря веса не сделала его худощавее, тело казалось попросту дряблым. И за полчаса до конца фильма, стоя перед расстрельным взводом, он, по всей видимости, испытывал в первую очередь облегчение. Наверно, радовался, что все кончилось и можно наконец-то сходить в передвижной буфет за булочкой.

– Многие люди до сих пор ходят в театр, – сказал я. – Для них Ралф Мейер знаменитость.

Лиза повернулась ко мне лицом и одарила самой ласковой улыбкой:

– Ну да, ясно, пап.

Порой прокручиваешь жизнь вспять, хочешь посмотреть, в какой точке она могла бы принять другое направление. И говоришь: Вот! Смотри, вот оно!.. Я как раз говорю, что мы могли бы провести отпуск в тех краях и, пожалуй («В самом деле. Да. Почему бы нет? Кто знает?»), ненадолго заехать к ним. Чем плохо? В самом конце вечеринки, когда мы прощались и уже давным-давно стемнело, оба они – Ралф и Юдит – впервые упомянули про дачный дом.

Останавливаешь пленку, потом кадр за кадром возвращаешься назад. Вот Юдит обнимает Каролину, целует ее в обе щеки. «Мы пробудем там с середины июля до середины августа, – говорит она. – Так что, если окажетесь поблизости...» Еще несколько кадров назад: Ралф Мейер смеется над анекдотом, который невозможно понять, а теперь даже и не вспомнишь. «Этим летом мы сняли дачный дом, – говорит он затем. – Дом с бассейном, неподалеку от пляжа. Захотите – приезжайте без церемоний. Места хватит. – Он хлопает меня по плечу. – И Алекс будет рад, как я полагаю». Он подмигивает и смотрит на мою старшую дочку. На Юлию. Но Юлия отворачивается от нас, делает вид, что не слышит.

Алекс – их старший сын. Я стоял рядом, когда его познакомили с Юлией. В холле, едва только мы вошли. Такое видишь нечасто, а потому замечаешь сразу. Искру. Которая буквально проскакивает между двумя людьми.

– Как вам эта идея? – спросила Каролина у дочерей на обратном пути. – Заехать к ним во время отпуска?

С заднего сиденья не ответили. В зеркало я видел, что Юлия мечтательно глядит в окно, а у Лизы уши заткнуты наушниками плеера.

– Юлия! Лиза! – Каролина положила руку на спинку сиденья, повернулась назад: – Я задала вам вопрос.

– Да? – переспросила Юлия. – Какой?

Жена вздохнула.

– Я спросила, как вам идея заехать к ним во время отпуска.

– Без разницы, – сказала Юлия.

– Мне показалось, мальчик тебе весьма понравился. Мы вас, считай, вообще не видели.

– Ма-ам...

– О-о, извини. Просто я подумала: может, тебе по душе повидать его еще разок. На каникулах.

– Мне без разницы, – повторила Юлия.

– А ты, Лиза, что думаешь? – спросила Каролина. Ей пришлось чуть ли не кричать, тогда только Лиза сняла наушники. – Как по-твоему, нам стоит заехать к этим людям во время отпуска? Они сняли дом у моря. Дом с бассейном.

Вместе с младшим братишкой Алекса и еще несколькими детьми Лиза провела весь вечер в уголке гостиной, где они смотрели DVD и играли в компьютерные игры на игровой приставке к висящему на стене огромному плазменному телевизору. Томас! Удивительно, я сразу вспомнил его имя. Томас. Алекс и Томас. На вид Томас ровесник Лизы, а вот Алекс на год-полтора постарше Юлии. Ему лет четырнадцать или пятнадцать. Вполне миловидный мальчик с кудрявыми светлыми волосами и довольно низким для его возраста голосом. Во всех его движениях, как в походке, так и в манере поворачивать голову, чтобы посмотреть на собеседника, сквозила какая-то деланная медлительность, словно он пытался изобразить заторможенную, замедленную версию себя самого. Томас скорее гиперактивен: суматошный, шумный. В углу возле плазменного телевизора регулярно падали стаканы и коробки с чипсами, и остальные дети громко хохотали над его шуточками.

– Ого, с бассейном! – сказала Лиза.

Войдя в их дом, я сперва бесцельно побродил по гостиной и кухне, потом прогулялся по саду. Многих из гостей я вроде как знал в лицо, правда не всегда

мог сообразить откуда. Был там и кое-кто из моих пациентов. Большинство наверняка впервые видели меня не на работе, в обычной одежде и с растрепанными волосами, чем и объясняется, что они в свой черед смотрели на меня как на человека, который кажется знакомым, только не припомнишь, где ты его встречал. Я не рвался им помогать. Кивал и шел дальше.

Ралф стоял возле барбекю, в кухонном фартуке с надписью «I LOVE NY». Протыкал сосиски, переворачивал гамбургеры, сдвигал на блюдо куриные крылышки.

– Марк! – Он наклонился, запустил руку в синюю сумку-холодильник, достал полулитровую банку «Юпилера». – А где твоя жена? Надеюсь, ты привез с собой свою красотку-жену?

Он сунул мне в руку ледяную банку с пивом. Я посмотрел на него. И волей-неволей рассмеялся.

– Что смеешься-то? – спросил он. – Неужто скажешь, что дерзнул явиться один?

Я обвел взглядом сад, будто ища Каролину. Но искал кой-кого другого. И углядел ее почти сразу же. Она стояла возле раздвижной стеклянной двери, из которой я совсем недавно вышел наружу.

Она тоже меня заметила. Помахала рукой.

– Пойду посмотрю, где она, – сказал я.

Тут я сперва должен сказать несколько слов о собственной внешности. Я не Джордж Клуни. Для ведущей роли в сериале про больницу не годюсь. Но, пожалуй, обладаю неким магнетизмом или, точнее, взглядом. Этот взгляд объединяет врачей всех рангов. Раздевающий взгляд – другого эпитета я подобрать не могу. Взгляд, который видит человеческое тело таким, каково оно есть. Для нас это тело не имеет секретов, говорим мы взглядом. Вы можете закутать его в одежду, но под ней вы голые. Вот так мы смотрим на людей. Видим в них даже не столько пациентов, сколько временных обитателей тела, которое без регулярного профилактического обслуживания просто откажет.

Я стоял с Юдит на террасе, у раздвижной стеклянной двери. Из дома в сад журчала негромкая музыка. Что-то южноамериканское: сальса. Но никто не танцевал. Повсюду небольшие группы увлеченных разговором людей. Мы, Юдит и я, не бросались в глаза. Тоже составляли группку.

– Вы давно здесь живете? – спросил я.

Оба мы уже держали в руках пластмассовые тарелки, только что наполненные у буфета в гостиной. У меня преобладали мясные закуски, французский сыр и что-то с майонезом, у нее – помидорчики, тунец и какая-то серовато-зеленая штука, похожая на лист артишока, но наверняка вовсе не артишок.

– Это дом моих родителей, – ответила Юдит. – Мы с Ралфом несколько лет прожили на барже. Мило, романтично, назовите как угодно, но, когда родились мальчики, стало попросту тесно и неудобно. К тому же все время боишься: двое малышей, а вокруг день-деньской вода. Да и нам самим здорово надоело. По горло были сыты житьем на барже.

Я засмеялся, хотя, строго говоря, она не сказала ничего смешного. Но по опыту я знал, как это подействует: чем раньше в разговоре с женщиной находишь повод засмеяться, тем лучше. Они, женщины, не привыкли, чтобы над их словами смеялись. Думают, что неостроумны. Большей частью так оно и есть.

– А твои родители... – Недосказанный вопрос висел в воздухе, меж тем как я пластмассовой вилкой изобразил круг над своей тарелкой. В пределах тарелки, однозначно показывая, что спросил, живы ли еще ее родители.

– Отец умер. А мама решила, что для нее одной дом слишком велик, и переехала в квартиру в центре города. Ну а мой брат, который живет в Канаде, охотно согласился, чтобы дом перешел к нам.

– Ну и как? – поинтересовался я, сделав вилкой более широкий жест. За пределами тарелки. – Странно, наверное, жить в доме, где прошло детство? В смысле, ты ведь как бы возвращаешься во времени вспять. Когда была девочкой.

На слове «девочкой» я опустил взгляд. На ее рот. Жующий листик салата. Смотрел я недвусмысленно: как мужчина смотрит на рот женщины. Но и как

врач. Тем особым взглядом. Ты можешь поведать мне о ртах еще больше, говорил этот взгляд. Для нас и рты не имеют секретов.

– Поначалу да, – кивнула Юдит. – Поначалу было странно. Казалось, родители по-прежнему живут в этом доме. Я бы не удивилась, встретив их где-нибудь – в ванной, на кухне или здесь, в саду. Скорее отца, а не маму. В смысле мама, конечно, регулярно к нам приезжает, и с нею обстоит по-другому. Она и сейчас где-то здесь, ты наверняка ее видел. Но мы тогда довольно скоро все перестроили. Сломали стены, из двух комнат сделали одну, перенесли кухню в другое место и так далее. И это ощущение ушло. Не полностью, но все-таки.

Рот – это механизм. Инструмент. Он вдыхает кислород. Пережевывает и проглатывает пищу. Проверяет, не слишком ли горячо или, наоборот, холодно. Между тем я опять смотрел Юдит прямо в глаза. Смотрел на нее все время, пока размышлял о ртах. Взгляд красноречивее слов. Клише, конечно. Но и клише красноречивее слов.

– А твоя собственная комната? – спросил я. – Девичья комната? Ее вы тоже переделали?

Произнося слова девичья комната, я на долю секунды зажмурил глаза, а потом глянул вверх, на верхние этажи дома. Это была просьба. Просьба показать мне ее давнюю девичью комнату. Прямо сейчас или чуть позже. В девичьей комнате мы посмотрим старые фотографии. Старые снимки из фотоальбома. Сидя на краю односпальной кровати, которая прежде была ее девичьей кроватью. Юдит на скамеечке. В бассейне. С одноклассниками на школьном дворе, позируя фотографу. Потом я, улучив минуту, заберу у нее из рук альбом и мягко, но настойчиво заставлю лечь на кровать. Лишь ради проформы она будет сопротивляться. Смеясь, упрется ладонями мне в грудь, попытается оттолкнуть. Но фантазия окажется сильнее. Давняя фантазия, которой столько же лет, сколько девичьей комнате. Приходит доктор. Мерит температуру. Кладет ладонь тебе на лоб. Выпроваживает родителей, присаживается на край кровати.

– Нет, – сказала Юдит. – Моя давняя девичья комната теперь принадлежит Томасу. Он сам покрасил стены. Они теперь красные с черным. А раньше, если тебе интересно, были сиреневые с розовым.

– А на кровати у тебя было множество сиреневых и розовых подушек и куча плюшевых зверей, – сказал я. – И постер с... – Берегись назвать поп-звезду или киноактера слишком рискованно, слишком уж привязанно к определенному времени. – ...с тюленем. Очень милым тюленем.

Здесь я должен помимо наружности сказать кое-что о своем характере. Я веселее, чем большинство мужчин. Судя по анкетам дамских журналов, большинство женщин включает в списки любимых мужских качеств чувство юмора. Когда-то давно я думал, что это вранье. Вранье, скрывающее, что они всенепременно выберут скорее Джорджа Клуни или Брэда Питта. Но со временем я понял: все обстоит иначе. Говоря о «чувстве юмора», женщины вовсе не имеют в виду, что им хочется постоянно умирать со смеху над шуточками большого острослова. Они имеют в виду другое: мужчина должен быть веселым. Не острословом, а просто веселым. В глубине души все женщины боятся в конце концов заскучать в обществе слишком красивых мужчин. Эти мужчины прекрасно знают, как превосходно выглядят в зеркале. Считают, им незачем прилагать усилия. Женщин хватает с избытком. Но вскоре после брачной ночи ему уже совершенно нечего сказать. Воцаряется скука. Да и утомительно, когда целый день рядом мужчина, восхищенный собственным отражением. С утра до вечера, каждый день. Время оборачивается прямой дорогой среди красивого, но унылого пейзажа. Пейзажа, который никогда не изменится.

– Почти угадал, – сказала Юдит.

– Лошадь. Или нет, пони. Ты читала книги про лошадей.

– Верно, иногда читала. Но на постере была не лошадь. И не пони.

– Папа...

Меня тронули за локоть, и я посмотрел в ту сторону. Юлия с медлительным мальчиком, который немногим раньше за руку поздоровался со мной и имя которого – Алекс – я успел забыть. Чуть дальше стояли еще два мальчика и две девочки.

– Можно, мы сходим за мороженым? – спросила Юлия. – Тут недалеко.

По временному раскладу момент был и плохой, и хороший. Вполне вероятно, что нашу легкую разгоряченность, наш словно бы невинный разговор о девичьих комнатах, постерах с тюленями и книгах про лошадей уже не возобновить. С другой стороны, моя тринадцатилетняя дочь стояла здесь как живое свидетельство, что этот веселый мужчина, сиречь я, сумел зачать ребенка. И не просто ребенка, а мечтательное белокурое существо, с первого взгляда взбудоражившее гормоны пятнадцатилетнего мальчишки. Скажу напрямик: я испытываю огромное удовольствие, когда бываю с дочерью в таких местах, где все могут видеть нас вместе. В уличном кафе, в супермаркете, на пляже. Люди смотрят. Я вижу, как они смотрят. Вижу и о чем они думают: Господи Иисусе, какие же удачные дети! Какие красивые девочки! Секунду спустя они думают о собственных детях. И начинают ревновать. Я чувствую завистливые взгляды. Они ищут изъяны: не вполне ровные зубы, дефект кожи, визгливый голос. Но ничего не находят. И тогда злятся. Злятся на отца, которому посчастливилось больше, нежели им. Биология сильна. Некрасивого ребенка тоже любишь всей душой. Но тут дело другое. Ты счастлив, владея трехэтажным домом, однако затем тебя приглашает на обед некто, у кого в саду есть еще и бассейн.

– И где же это? – спросил я как можно спокойнее. – Куда вы пойдете за мороженым?

Я смотрел на медлительного мальчишку так, как любой отец смотрит на мальчишек, собирающихся с их дочерьми за мороженым. Если хоть пальцем ее тронешь, убью. С другой стороны, внутренний голос нашептывает, что нужно смириться. Настал переломный момент, когда защитник-отец должен отступить ради существования вида. Тоже биология.

– Это недалеко, – сказала Юдит. – Надо пересечь оживленную улицу, но там есть светофор.

Я посмотрел на нее. Хотел было сказать: «Моей дочке тринадцать, и она уже ездит в школу без провожатых», – но вовремя прикусил язык. Сделал вид, будто размышляю. Пойду ли на уступки. Славный, заботливый отец. А в первую очередь веселый.

– О'кей, – сказал я, обращаясь к мальчику. – Приведешь ее обратно в целостности и сохранности?

Засим мы снова остались вдвоем, Юдит и я. Но та минута вправду канула в прошлое. Будет ошибкой возобновлять разговор о постерах с тюленями и книгах про лошадей. О девичьих комнатах. Как мужчина я мгновенно потерплю крах. Видно, других тем для разговора у него нет, подумает женщина и сочинит предлог, чтобы уйти: «Схожу-ка я на кухню, гляну, готов ли пирог».

Я смотрел на Юдит. Вернее, удерживал ее взгляд. Я заметил, как она посмотрела на мою дочь. Взглядом старым как мир. Хорошая партия, говорили ее глаза. Хорошая партия для моего сына. Теперь мы смотрели друг на друга. Я еще подыскивал нужные слова, но глазами уже сказал все. Юдит незачем ревновать и злиться на меня. Сын у нее тоже удачный. И тоже хорошая партия. Спокойно отпустив с ним Юлию, я лишь подтвердил то, что каждый мог видеть своими глазами. Девяносто процентов женщин считают женатого мужчину более привлекательным, чем неженатого, заявлял Аарон Херцл, мой преподаватель медицинской биологии, еще тогда, годы назад. Мужчину, у которого уже кто-то есть. Женатый мужчина, предпочтительно с детьми, уже доказал свои способности. Доказал, что он может. А одинокий холостяк похож на дом, который слишком долго пустует. Что-то с этим домом не в порядке, думает женщина. И через полгода он пустует по-прежнему.

Вот так Юдит смотрела сейчас на меня. Как на женатого мужчину. И сообщение было понятно. У нас удачные дети. Независимо друг от друга мы укрепили вид удачными детьми, которые пользуются спросом. Наши дети не станут похожи на пустующие дома.

– У него уже есть подружка? – спросил я.

Юдит вдруг залилась краской. Не зарделась, нет, но заметно порозовела.

– У Алекса? Нет.

Она словно бы хотела добавить что-то еще, но вовремя осеклась. Мы смотрели друг на друга. И думали об одном и том же.

Когда Юлия и Лиза были маленькие, мы иногда проводили отпуск в палаточных лагерях. Но теперь уже нет. Просто до нашего знакомства Каролина часто ездила в палаточные лагеря. А я не хотел ее разочаровывать. Если твоя жена любит оперу или балет, ты ходишь с ней в оперу и на балет, вот и все. Каролине нравилось ночевать в палатке. Оттого и я пытался спать в палатке. Но большей частью лежал без сна. Заснуть мне мешала не только мысль, что я нахожусь на улице – без защиты, отделенный от мира лишь куском ткани, – не только поэтому я лежал с открытыми глазами и смотрел в темноту. И не дождь, стучащий по брезенту, не гром, прямо-таки оглушительно гремевший в ушах, не воздух, как в раздевалке, когда просыпаешься слишком поздно и солнце за несколько часов успевает нажарить палатку. Нет-нет, заснуть мне мешало не это. Все дело в других людях – в человечестве, теснившемся за тонкой брезентовой стенкой. Я лежал без сна и слушал. Слушал звуки, которые от других людей слышать не хочется. Причиной бессонницы была не сама палатка, но место, где она стояла среди других палаток, – лагерь, кемпинг.

Однажды утром я сорвался. Сидел возле нашей палатки в раскладном шезлонге, вытянув ноги на траве. Юлия на трехколесном велосипеде каталась по дорожке до туалета и обратно. Лиза в нескольких метрах от меня играла в своем переносном манеже, под сенью тенистого каштана.

– Папа, папа! – крикнула Юлия и помахала мне ручкой. Я помахал в ответ. Каролина ушла в магазин за свежим молоком – во вчерашнее нынче утром угодили две здоровенные мухи.

По дорожке бежал мужчина. В коротких красных штанах. Не в обычных шортах или бермудах, эта модель оставляла его белые ноги открытыми чуть не до паха. Бежал он в сандалиях с деревянными подметками, которые при каждом шаге с явным удовольствием хлопали по его несомненно тоже очень белым подошвам. В правой руке он нес рулон туалетной бумаги, выставляя его на всеобщее обозрение.

У меня возникло некое ощущение, и только. Гадкое ощущение. Мне показалось омерзительным, что этот человек пробежал всего в нескольких шагах от моей дочки и ее велосипеда. Я видел, как Юлия перестала нажимать на педали и оглянулась на него. От этого все сделалось еще омерзительнее. От одной мысли, что глаза моей едва трехлетней дочки смотрели на это слишком белое и неприкрытое человеческое тело. Какая грязь, так я подумал и другого слова не нахожу. Этот человек пачкал взгляд своими голыми ногами, деревянными

сандалиями и мерзкими белыми ступнями. Пачкал взгляд ребенка.

Я еще точно не знал, что буду делать, когда с некоторым трудом выбрался из шезлонга и пошел к туалету.

– Не уходи с дорожки, детка, – мимоходом сказал я Юлии. Еще раз глянул на Лизу в манеже и вошел в туалет.

То, что искал, я нашел быстро. По звукам. Дверцы туалетных кабинок снизу не доходили до пола. И сверху кабинки тоже сообщались между собой. Потолок отсутствовал. Стоя на унитазе, можно заглянуть в соседнюю кабинку. Я присел на корточки, потом стал на коленки. Короткие красные штаны мужчины спустил до щиколоток. Я видел ступни в деревянных сандалиях, видел непропорционально крупные белые пальцы ног. Ноготь на одном из пальцев пожелтел, как рука у заядлого курильщика. Никотиновый цвет. Я шумно перевел дух. Здесь требовалось лечение, я знал, причем срочно. С другой стороны, порой лечение оказывалось бесполезно. Человек, мало-мальски уважающий окружающих, постарался бы избавить их от подобного зрелища. Только хам, грязный хам, которому начхать на окружающих, выставял свои заразные ступни на всеобщее обозрение. Вдобавок, привлекая к ним внимание стуком сандалий, он полностью лишал себя права на снисхождение – на обезболивание при срочном вмешательстве.

Я так и стоял на коленях перед кабинкой. И смотрел уже как врач. Прикидывал, что надо делать. Удалить такие ногти несложно, я знал, они отделялись сразу, как только сумеешь что-нибудь под них подсунуть – пинцет, ватную палочку, деревянную щепочку от мороженого, а дальше все просто, особых усилий и тех не требуется. Я смотрел на палец и на приговоренный к смерти ноготь. Дольше сдерживаться невозможно. Я подумал о молотке. Не о том, каким мы с Каролиной забивали в землю колышки для палатки. Этот молоток слабоват. Уступчив. Округлый резиновый молоток, которым большого ущерба не причинишь. Нет, тут нужен настоящий молоток. Железный, который одним прицельным ударом разmozжит хрупкий ноготь. Раздробит его на мелкие кусочки. Ткань под ногтем нежная. Кровь хлынет ручьем. Осколки ногтя разлетятся во все стороны, в стены, в дверцу туалета, как зубной камень под сверлом дантиста. Глаза у меня заволкло пеленой. Часто говорят о красной пелене, но моя была серой: серой, как стена дождя или вдруг напoлзший туман. Я мог схватить этого мужика за щиколотки и выволочь из кабинки через щель под дверью. Но молотка-то у меня нет.

– Черт подери...

Настала тишина; и как раз оттого, что осознал тишину, я сообразил, что сам и чертыхнулся во весь голос.

– Эй! Кто здесь? – спросили из кабинки.

Соотечественник. Нидерландец. Я мог бы и догадаться. Впрочем, на самом деле я уже это знал, с первой минуты, когда он с рулоном туалетной бумаги в руках возник в поле моего зрения.

– Скотина! – сказал я. Увидел, как его руки схватились за красные штаны, потащили их вверх. Я встал. – Грязная скотина. Стыдись! В кемпинге дети. Они тоже видят эту мерзость.

За дверью повисла мертвая тишина. Вероятно, он никак не мог решить, выйти ему из кабинки или на всякий случай отсидеться там, подождать: вдруг я уйду?

В конце концов я так и сделал. Выйдя наружу, поморгал глазами от яркого солнечного света – и сразу же заметил: что-то не так. Я видел нашу палатку, видел Лизу в манеже под каштаном, но не видел ни Юлии, ни ее трехколесного велосипеда.

– Юлия! – позвал я. – Юлия!

Меня захлестнуло знакомое ощущение, однажды я уже терял свою старшую дочку. На ярмарке. Поначалу я старался сохранять спокойствие, старался, чтобы голос звучал нормально, но в груди похолодело, сердце стучало в панике, перекрывая музыку карусели и возгласы людей в вагончиках американских горок.

– Юлия!

Я ринулся по тропинке к тому месту, где она сворачивала, исчезая за высокой живой изгородью. За изгородью находилась еще одна лужайка с палатками.

– Юлия!

Перед маленькой синей палаткой сидели на корточках две женщины, мыли тарелки в тазике, поставленном на траву. На миг они бросили свое занятие, вопросительно посмотрели на меня, но я уже отвернулся. Слева от тропинки, несколькими метрами ниже, слышался плеск речушки, где мы днем частенько купались.

– Юлия!

Я споткнулся о большой круглый камень, неловко подвернул ногу. Колючая ветка царапнула меня по щеке, прямо под глазом. Три, максимум четыре стремительных шага – и я на берегу.

Трехколесный велосипедик стоял возле мелкой заводи, передним колесом в воде.

Я помчался прямо по воде, поскользнулся и, подняв фонтан брызг, больно плюхнулся на донные камни.

Вот она, Юлия. Не в речке, а на берегу. Бросает камешки. Увидев меня, сидящего, растопырив ноги, в воде, она громко рассмеялась.

– Папа! – крикнула она, вскинув руки в воздух. – Папа!

Я мигом поднялся на ноги. И секунду спустя был подле нее.

– Черт побери! – воскликнул я, крепко схватив ее за запястье. – Я что тебе сказал, а? Не уходить с дорожки! Не уходить, черт побери!

Секунду дочка смотрела на меня так, словно все это была шутка – папа в шутку упал в воду, а теперь в шутку сердится, – потом взгляд ее изменился. Личико страдальчески скривилось, когда она попыталась высвободить руку.

– Папа...

Долгие годы я буду вспоминать этот взгляд, и каждый раз со слезами на глазах.

– Марк! Марк! Что вы там делаете?

Каролина стояла наверху, между деревьями. С бутылкой молока в руке. Переводила взгляд то на меня, то на Юлию. Потом окликнула еще раз:

– Марк!

– Больше не могу, – сказал я полчаса спустя, когда Юлия успокоилась и снова как ни в чем не бывало каталась по дорожке.

Каролина посмотрела на меня. Крепко взяла за руки и сказала:

– Помнишь маленькую гостиницу, которую мы вчера видели в деревне? Рядом с рынком? Может, переедем туда на денек-другой?

С той поры мы всегда останавливались только в гостиницах. Или снимали домик. Возле гостиниц и домиков иногда тоже имелись бассейны, где ты видел едва прикрытые тела других людей, но, по крайней мере, от этого зрелища можно было уйти. Часок-другой дать взгляду отдохнуть. Часок-другой полежать на кровати у себя в номере, с закрытыми глазами. Человеческая грязь не лезет тебе в физиономию круглые сутки. Проведя несколько отпусков в домиках и гостиницах, мы стали порой задерживаться у витрин маклерских контор. Смотрели на фотографии и цены. Для Каролины второй дом за границей был бы утешительной премией за расставание с палаточными лагерями. Финансы нам позволяли. Чуть дальше от побережья дома в большинстве стоили сущие гроши. Однако, мечтательно любуясь фотографией старой водяной мельницы с грушевым садом, мы сразу же принимались обсуждать и недостатки. Ведь в таком случае придется, к сожалению, каждое лето проводить только в этом домике, говорили мы друг другу. Подолгу смотрели на фото перестроенного крестьянского хутора с бассейном. Для этого бассейна понадобится работник, который будет содержать его в порядке. И для сада тоже. Иначе весь отпуск будешь сам косить на участке траву и выпалывать жгучую крапиву.

Так мы постоянно откладывали на будущее свою мечту о втором доме за границей. Случалось, в сопровождении местного маклера смотрели такую недвижимость. Согнувшись, входили в низкие, просевшие двери; чуяли запах

стоячей воды из бассейна, где плавала тина и квакали лягушки; в бывшем свинарнике наклонялись, чтобы не угодить лицом в паучьи тенета; видели, как далеко внизу искрится излучина реки; нагибались, заглядывая в старинную хлебопекарную печь, и глядели на ласточек, которые вились у своих гнезд под стропилами жилого дома.

Слишком ветрено, часто объявляла Каролина уже во время таких осмотров. Слишком душно. Слишком холодно. Слишком плохой обзор. Слишком открытое место. Слишком близко соседи. Слишком на отшибе.

«Мы позвоним вам, – говорил я маклеру. – Нам с женой надо денек-другой подумать».

Тем утром, когда мы уезжали в отпуск, я глазам своим не поверил, увидев в багажнике машины палатку. Она лежала в дальнем углу, вероятно, чтобы я ее не заметил. Но на крыльце тотчас же появилась Каролина со свернутыми спальниками в руках.

– Так-так! – сказал я. – Что это значит?

– Ничего. Просто подумала, вдруг попадется красивое местечко, где можно поставить палатку. Если там нет гостиницы, я имею в виду.

– Так-так! – повторил я, решив, что лучше сделать вид, будто жена просто шутит. – И тогда мне придется каждое утро топтать из гостиницы в кемпинг?

Каролина положила спальники в багажник и задвинула поглубже, к палатке.

– Марк, я знаю, как ты относишься к житью в палатке. И вовсе не собираюсь тебя принуждать. Иногда попросту грешно сидеть в гостинице. Я заглянула в Интернет, там есть прекрасно оборудованные кемпинги. С ресторанами. И притом всего в сотне метров от пляжа.

– В гостиницах тоже есть рестораны, – возразил я, хотя вообще-то уже понял, что проиграл. Каролине не доставало палаточной жизни. Можно, конечно, поспорить. Можно сказать, что палатка и спальники занимают полбагажника,

однако в таком случае я оставляю без внимания простой факт, что моей жене хочется забивать в землю колышки, натягивать расчалки и ночевать в спальном мешке, который утром покрыт капельками росы.

Подумалось мне и кое о чем другом. Вечером после того праздника у Ралфа и Юдит Мейер я спросил Каролину, разговаривала ли она с Ралфом. И в особенности поинтересовался, предпринимал ли он новые попытки сближения.

«Ты был совершенно прав», – ответила она.

«В чем?»

«В том, то он грязный тип».

«Да?»

Мы лежали рядом в постели, с включенными ночниками, но в глаза друг другу не смотрели. Не знаю, как бы я смотрел, если бы мы сумели взглянуть друг на друга.

«Да, ты оказался прав. Не знаю, но твой рассказ о том, как он на меня смотрел, заставил меня понаблюдать за ним. И я вдруг тоже заметила. Что-то в его взгляде... глядя на меня, он облизывал губы. Смаковал. Будто я – гамбургер. Мы стояли возле барбекю, он тыкал вилкой мясо, проверял, готово ли, и переворачивал гамбургеры. А потом опустил взгляд. И смотрел, как плохой актер в якобы комедийном фильме. Даже глазами вращал, глядя на мою грудь. Пойми меня правильно: иногда это приятно. Иногда женщине приятно, когда мужчина восхищается ее телом. Но тут... тут было иначе. Противно или, как ты выразился, грязно. Да, именно так. Взгляд был грязный. Я не знала, куда деваться. Вдобавок он еще и рассказал сальный анекдот. Не помню, в чем была соль, но определенно сальный. Не остроумно-фривольный, а по-настоящему сальный. Видел бы ты, как он при этом выглядел! Вроде тех людей, которые смеются над анекдотом так, будто сами его сочинили. Вот и он смеялся так же».

«И теперь тебе не хочется заезжать к ним на дачу», – сказал я несколько поспешно.

«Марк! Как ты вообще можешь об этом думать! Нет, лучше не заезжать, нет-нет. Мне вообще не нравится во время отпуска ездить по гостям, а уж теперь тем более. Я ни минуты не смогу спокойно посидеть у бассейна, когда этот Ралф шныряет поблизости».

«Но, когда мы уходили, ты сделала вид, что эта идея тебе по душе. На крыльце, когда мы прощались. И в машине ты спрашивала у Юлии и Лизы, как они к этому относятся».

Каролина вздохнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/german-koh/letniy-domik-s-basseynom/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Упреждающий удар (англ.).

2

Сенаторы!.. Отныне я ваш император. Император... Август (англ.).

3

Я выпил восемнадцать порций чистого виски, думаю, это рекорд (англ.).

Купить: <https://tellnovel.com/german-koh/letniy-domik-s-basseynom-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)